

ПРИМОРСКАЯ, 49

**Альманах №3
Иркутского отделения
Союза литераторов России**

**Братск
2021**

ББК 84 (2 = 411.2) 6
П 76

+12

Приморская, 49. Альманах №3 Иркутского отделения Союза литераторов России : сборник / группа авторов ; сост. : В. Монахов, Е. Попова. – Вып. № 3. – Братск : Полиграф, 2021. – 168 с.

Виктору Сербскому (1933-2011) до сих на берега Ангары приходят книги стихов с автографами от современных поэтов. Благодаря библиофилу Братск стал еще одним важным центром поэзии русского мира! И, чтобы закрепить этот статус, третий год выпускаем альманах «Приморская, 49», где когда-то располагалась библиотека (сегодня она носит имя В. С. Сербского). Это третий выпуск альманаха. Читатель прочтёт стихи русских поэтов, с которыми дружил инженер, библиофил и писатель.

- © Иркутское региональное отделение Союза литераторов России
- © Библиотека русской поэзии XX века им. В. С. Сербского
- © Составители – В. Монахов, Е. Попова
- © Оформление «Полиграф»

Наш писчий дух за словом

«...А что касается «информационного повода», поэзия никогда им не была и не будет. И слава Богу...»

Из переписки Бориса Рыжего с Ларисой Миллер

1.

Стихи в ленту новостей не попадают, потому что современное общество стихами почти не интересуется, а поэты устали доказывать себе самих себя. Это длится уже не одно десятилетие и стало общеизвестным фактом. Написать стихи, попасть в журнал, опубликовать книжку – еще не значит выйти в свет, поэтому стихи теперь не объединяют, а скорее даже разлучают внутренних и внешних людей информационного общества. А если и заговорят о поэте, то зачастую по другому случаю: самоубийство, получение престижной премии, еще какой-нибудь скандал, но, увы, не по поводу стихов. У нас же случай именно такой, где не будет стихов, но будет, надеюсь, поэзия.

2.

Современный поэт и активный мыслитель Вячеслав Куприянов (Москва) в своей работе «Всемирная отзывчивость авангарда» с гуашной размашистостью, но вполне логично и, на мой взгляд, достоверно уточнил для нас сложившееся современное состояние информационного пространства мира: «Если Ортега-и-Гассет заявлял о восстании масс, то сегодня следует говорить о падении элиты. Это связано с тем, что элита в своих отношениях с массами все более ориентируется не на традиционную (книжную) культуру, а на массовую информацию. Таким образом элита превращается в информифию. Не потому, что она обладает некоей особо важной информацией, а потому что приватизирует и узурпирует средства массовой информации. И все эти (или многие) более мелкие образования пытаются не отстать в строительстве мозаич-

ной, дробной и довольно случайной картины мира. Но если, скажем, наркомафия вполне себе представляет смертельный вред от своего бизнеса, то информафия всегда делает высокомерно-важный вид в своей уверенности, что творит благо».

Публичную справедливость этого наблюдения независимо поддерживает другой дружественный мне поэт Юрий Беликов (Пермь). В своей статье «Поколение бронзовых капель» он уточнил нынешнее поле битвы культуры и бескультурия, категорически настаивает: «Это будет век ожесточенной схватки между Информацией и Поэзией. Вы скажете: как будто ее раньше не было, поименованной схватки! Была. Но субъектами поединка выступали несколько иные персоналии. Например, в Средние века Информация еще и под стол пешком не ходила – к Рыцарям Круглого стола. Условный бой... шел, скорее, между другой Ин – Инквизицией – и Поэзией. Во времена семинариста Джугашвили Информация уже подросла и даже утратила девственность: став Дезинформацией, конвоировала Поэзию по внутреннюю свою тюрьму. Поэзия сражалась с Дезинформацией несением креста, иногда сливающимся с церковным...»

На первый вполне просвещенный взгляд кажется, что невозможно оспорить эти справедливые утверждения двух поэтов, которые в публицистической форме отразили всю глубину трагедии нашей, с одной стороны, быстро, а с другой стороны, вялотекущей жизни, где поэзии отведена всего лишь тоненькая полоска горизонта, до которого добирается малая горсточка фанатиков и рыцарей слова: им для стихов достаточно неба, даже в решетку. И хотя был я поначалу искренне солидарен с этими высказываниями, но сегодня мне сложившаяся картина поэтичности мира не представляется столь драматичной, поэтому с помощью гипотез и допущений попытаемся всё же расставить всё по своим, ведомым мне местам.

Информация, как факт очевидный, зарождается и распространяется там, где в миру торжествует суета сует, где всеобщая склонность к перемене мест стремится за переменной времени, которое стало двигаться с нарастающей, не унимающейся быстротой. А поэзия не терпит и даже активно избегает площадной и уличной сутолоки и зачастую прячется по хладным углам, требуя тишины и покоя. А соприкасаются информация и поэзия лишь на границах, когда суета сует бытия пытается проникнуть в тишину и разрушить её, а тишина, вооруженная созерцательностью, защищается от этого враждебного проникновения. Давно известно, что поэзия никогда не стремилась в сторону информации и не пыталась завладеть ею или разрушить ее. А коль обликом иногда становилась похожей на нее, то по ошибке неверного взгляда нашего. Почему? Да потому что поэзия есть и базис и первооснова, говоря современным языком, генофонд той самой информации, которая всем своим активным существованием пытается стереть поэзию с лица земного. Информация всего лишь надстройка. И ее кажущееся стремление расправиться с поэзией - это необдуманый вечный бунт дьявола против Бога. А необдуманый потому, что, победив Бога, Дьявол ликвидирует ВСЁ, в том числе и себя самого, поскольку Бог ЕСТЬ ВСЁ и отвечает за это всё, в том числе и за самого вечно бунтующего Дьявола.

Так и поэзия никогда не противостояла ни Информации, ни ее самой распространенной разновидности – Деинформации, потому что, будучи первоосновой и генофондом Слова, не может вступать в борьбу со своим порождением. Но, как известно из истории человечества, вступают дети в борьбу со своим родителями: ссылают их с глаз долой, морят голодом и даже режут им горло. И хотя сегодня тем немногим, кто всё еще читает поэзию, кажется, что идёт смертельное противостояние, противопоставление информации и поэзии, в которой последняя, а по сути

первая проигрывает, я осмелюсь взять на себя ответственность, утверждая, что это не так. Проигрыш может казаться таковым на определенном участке пути, пространства или времени, но никогда в вечности, где базируется генофонд поэзии.

4.

Вижу, как многих уже осеняет слабая догадка, что поэзия – это генофонд слова, поэзия – гены информации, первооснова бытия, а значит, информация без поэзии никогда не существовала и впредь не будет существовать, а тем более осуществляться. Почему же информацию и поэзию всё чаще и всё больше противопоставляют друг другу, не замечая этой простой и ясной закономерной последовательности? Только потому, что информация существует лишь в видимой надстройке бытия, где торжествует успех и коммерческий дух продажности, а поэзия – там, куда редкая душа может проникнуть, где деньги не играют никакой роли, где подлинные достижения способны оценить немногие. К тому же информация своей избыточностью подавляет поэзию, и в том числе тех, кто живет поэтическим словом. Но поэзия своей внешней малозначительностью – только незаметно, почти невидимо – снабжает первооснову жизни, где поэт помимо своей воли выполняет функцию кристаллической решетки Бога. Поэтому попытки многих больших и особенно малозначительных поэтов доказать, что они в этом мире представляют только самих себя, – искреннее заблуждение творческих личностей. Поэты укрепляют генофонд Слова, которое всегда, при любом состоянии информации, остается вначале с Богом. Бог ничего им не диктует, как придумали поэты, – он просто с ними заодно.

5.

И пусть современный поэт своим словом порой искажает действительность, но главное, он искажает её до узнаваемости нового бытия генетикой красоты. Это благодаря таким

поэтам, внутри которых уживаются первослова, утверждает себя тишина звенящая. Есть поэты, вокруг которых бушует пустое словоизвержение информации: ковырнешь – и уже на поверхности обнаружишь, что им нечего сказать, а потому в них не приживается звенящая тишина, без которой не бывает поэзии, а только распространяется информация. Только с помощью тишины дух живет внутри поэта, и поэт мучается, мечется, чувствует себя неуютно в этом мире. И как только с помощью главного Слова поэт поселяет себя внутри духа, то всё в мире уравнивается, становится на свои места, торжествует гармония всеобщей силы – успокаивается и дух внутри поэта, и поэт крепко-накрепко приживается внутри всемирного духа. Недаром поэту очень часто завидуют. Но только один поэт знает, что живет он судьбой скучной, малоинтересной и незначительной, и только Поэт ведает, что без него любая ритмичная попытка бытия осветить себя внутренним светом человека никогда не свершится, потому что там, где вначале Слово, его шепчет на ухо Богу всегда только Поэт.

*Владимир Монахов,
руководитель Иркутского отделения
Союза литераторов России*

Виктор СЕРБСКИЙ

МОИ РОДИТЕЛИ

У меня, может быть, самый длительный срок внесудебного наказания. Я был сослан в утробе матери, ссылка эта продолжается шестой десяток лет, и никто возвращать меня из неё не собирается.

Ни по какому ведомству не числюсь.

Что я помню?

Барак.

Потом в Бирюсинском детдоме, ухаживая за животными, я очень часто вспоминал его – в свинарнике, конюшне, коровнике были такие же не до потолка перегородки, как в том бараке на Колыме. В каждой из клетушек много народа и плотный запах. В этой толчее мы с мамой. И её имя Женя. Это имя много лет было моей мальчишеской тайной. Никогда и никому я не говорил, как звали мою маму.

Зимой 1957 года в цехе Норильского комбината, где я работал мастером смены, меня позвали к телефону, и сквозь грохот станков я едва расслышал взволнованный голос жены.

Она сообщала, что в Норильский горздрав пришло письмо: меня разыскивают родственники из Москвы. Я задал ей всего один вопрос: «Как они называли мою маму?» Она ответила: «Евгения».

Через два года свою первую дочь я назвал Женей.

На всю жизнь запомнил два слова: Колыма и Магадан, понимая, что я там не родился, а был туда привезён.

А где и когда родился?

К сожалению, и сегодня, перешагнув порог пенсионного возраста, я этого не знаю. Родственники называют день – 1 мая 1933 года. Вполне возможно, – день этот очень хорошо запоминается. Но кто подтвердит? А где? Скорее всего, в Верхнеуральской тюрьме – политическом изоляторе, – так благозвучней. Но пока такого документа нет. Достоверно одно: в тюремной камере, но в первомайский день. В автобиографиях, а их, как и каждому советскому гражданину, приходилось писать часто, я сообщал: «Родителей не помню, воспитывался в детских домах, закончил... работал...»

А что было до детских домов? Кто были родители? Родственники? Вопросов много.

В 1964 году меня вызвали в отдел КГБ в Норильске и вежливо объяснили, что писать больше никуда не надо – всё, что можно, мне сообщено. Получил я к тому времени свидетельства об их смерти: отца – 13 октября 1937 года от тромбоза и матери – 10 января 1942 года от крупозной пневмонии, и письмо прокурора Курской области об отказе в реабилитации (Курский областной суд реабилитировал их только 17.10.1988 г.).

Мама, член партии с 1918 года (ещё до советизации Грузии), была в числе первых организаторов комсомола Закавказья, работала в Тбилиси вместе с Борисом Дзnelадзе, Ашхен Налбандян (мать Булата Окуджавы), Яшей Окоевым, Иваном Пудиковым и другими. Была направлена на учёбу в Институт красной профессуры. Практически вся комсомольская организация Грузии была уничтожена Сталиным и Берией. Необолганным остался только Борис Дзnelадзе, умерший в 1923 году.

Предчувствия о расстреле отца и матери подтвердились. Недавно я получил новые свидетельства о смерти родителей 13 октября 1937 года, в которых в графе «Причина смерти» указано: расстрел.

Свидетельства выписаны 21.06.1989 г. Магаданским загсом.

Недавно меня выборочно познакомили с делом № 98786, находящимся в архиве управления МВД Магаданского облисполкома, на котором грифы: «Хранить вечно» и «Совершенно секретно».

Вот некоторые документы из этого дела.

В деле имеется всего один документ, написанный рукой отца на клочке бумаги. Вот его текст.

ЦИК СССР. НКВД СССР

Целиком и полностью присоединяюсь к заявлению политзаключённых коммунистов с требованием об установлении полит.режима и объединения с т.т. Впредь до удовлетворения этих требований объявляю голодовку.

С. Сербский

Даты под документом нет (л.д. 8).

ПРОКУРОРУ ПО ДЕЛАМ НКВД – МОСКВА
НАЧАЛЬНИКУ СПО НКВД – МОСКВА
НАЧАЛЬНИКУ СПО ОТД. НКВД – МАГАДАН

От политзаключённых коммунистов

ЗАЯВЛЕНИЕ

23 августа, на 13-й (а для двух из нас на 18-й) день голодовки, объявленной за самые элементарные условия существования в лагере, на нас был совершен налёт медперсонала в составе сестры, санитары и нескольких заключённых для совершения искусственного питания. Протестуя против искусственного питания, вообще, как против акта грубого насилия над нами, мы вынуждены обратить Ваше внимание на ряд возмутительных фактов, сложившихся в целую систему расправ и издевательств, и которые в условиях Колымы при отдалённости от центра доводятся до чудовищных размеров местной администрацией, чувствующей свою полную бесконтрольность и безнаказанность и рассчитывающей этими методами сломить голодающих.

Все голодающие (11 женщин) находятся в палатке, в том числе и голодающие 18 дней, причём за все время голодовки ни разу палатку не посетил врач, никакого надзора не было, несмотря на то, что среди голодающих есть больные с пороком сердца, туберкулёзом легких, тяжёлыми желудочными заболеваниями. Никакого медицинского, санитарного или просто бытового обслуживания для палатки предоставлено не было. Кормление предполагалось производить здесь же в палатке в явно антисанитарных условиях, без предварительного медосвидетельствования. Кормление массовое, повальное, всех голодающих 18, 13 и 6 дней, причём было заявлено, что в больничных условиях нам отказано. Обстановка была настолько исключительная, что в результате наших протестов прибывший медперсонал не рискнул взять на себя ответственность за кормление в данных условиях и вынужден был удалиться. Однако, получив вторичное распоряжение командования лагеря кормить нас во что бы то ни стало, невзирая на обстановку, налёт был повторён, причём медперсонал был подкреплён лагерной администрацией.

Вся обстановка кормления представляла собой интересное зрелище для уголовных, собравшихся в большом количестве во дворе, когда совершенно обессиленных людей носили на руках в амбулаторию. После кормления, несмотря на резко ухудшившееся состояние голодающих, никакого санитарного и медицинского наблюдения установлено не было. На все требования был ответ, что распоряжения об этом не получено, что попытки вызвать врача безрезультатны, т. к. врача не было. В течение вечера и ночи было пять обмороков, причём голодающим приходилось оказывать друг другу помощь при отсутствии каких-либо медикаментов. Только утром удалось вызвать карету «скорой помощи» для одной из голодающих женщин, находившейся в наиболее тяжёлом состоянии, но в переводе в больницу было отказано, так же как и в организации медпомощи.

Излагая все эти обстоятельства, считаем все эти методы срыва голодовки и борьбы с голодающими не чем иным, как

методом варварской расправы, против которой мы категорически протестуем.

Возлагаем на Вас всю ответственность за её неизбежные последствия.

1. Глазер. 2. Евдокимова. 3. Захарьян. 4. Конева. 5. Ладохина. 6. Лемберская. 7. Лемельман. 8. Мельцер. 9. Наумова. 10. Осьминская. 11. Тер-Данильян. 12. Фридман-Гринштейн.

24.08.36 г.

НАЧАЛЬНИКУ ОЛП

На ваш запрос через начальника п/л пункта им. Берзина

На списочном составе вверенной мне командировки состоят з/к, водворённые в СЕВВОСТЛАГ за КРТД и в количестве 180 человек, среди которых имеются отдельные лица, которые до сих пор являются яркими неразоружившимися троцкистами и между собой ведут контрреволюционные работы.

Удобным местом для сборищ этой группы троцкистов является отделённая от общего барака комната, где живёт яркий троцкист Сербский Соломон Наумович с женой Захарьян Евгенией Митрофановной (ошибка в отчестве – прим. автора), оба осуждены за КРТД, имеющие при себе сына в возрасте 4 – 5 лет. В эту комнату собираются троцкисты: Шпитальник Пётр Захарович, Яичников Анатолий Левитович, Крацман Моисей Исаакович, Балясный Абрам Львович, Нейман Яков Самуилович, Рувиевский Израиль Наумович, Матюгов Иван Афанасьевич, Ладохина Александра Васильевна и Гладштейн Элька Израилевна, и ведут свою работу. Не раз они были застигнуты в этой комнате под видом чаепития или книгочтения. Как система – ежедневно в одно время они собираются в этой комнате, куда заходят другие заключённые из соседних барачков, коих они безусловно обрабатывают. Если бы не отдельная комната супругов Сербского и Захарьян, каковая служит для этой троцкистской группы штабом и убежищем, им бы собираться было бы негде.

У Сербского и Захарьян имеется сын 4–5 лет, которого мать воспитывает в контрреволюционном духе, т.е. запрещает ребёнку петь пионерские песни, учить стихи пионеров-октябрят, не даёт возможности понять ребёнку, кто был Владимир Ильич. Ребёнок резвится, слыша имена вождей рабочего класса СССР от детей вольнонаёмных служащих, но мать категорически и с угрозами воспрещает ему их воспринимать и произносить. Если мальчик случайно вырвется и соединится играть с пионерами прииска, мать — Захарьян сейчас же уводит его домой и делает ему свое нравоучение. Ребенок лишён всякой возможности получить должное воспитание, лишаясь детского развлечения, как участие с пионерами в играх, посещение дет.площадки и сада, он выращивается замкнутым от действительности советского веселья и радостной детской жизни и выковывается в будущего троцкиста.

Вся эта группа во главе Сербского и его жены не выполняет лаг.распорядка, режим лагеря им чужд и ненавистен.

Ко всем проводимым в лагере кампаниям и мероприятиям она относится враждебно, так, например: все категорически отказались от дактилоскопирования, мотивируя, что это должны делать только уголовные преступники, считая себя важными политическими преступниками, участия в производимых ударниках по лагерю никогда не принимают, заявляя открыто: «Пусть таковые проводят командование прииска и лагеря». На работу они всегда выходят с опозданием и к работе относятся пассивно. На поверку в лагере, устраиваемую в порядке приказа УСВИТЛ НКВД, не выходят. За нарушения лаг. дисциплины на них налагались дисциплинарные взыскания, которые, однако, для них оказывались мало влиятельными.

Сбор в комнате Сербского – Захарьян троцкистов, а главное, женщин Ладохиной и Гладштейн (проживающих в жен. палатке) неоднократно воспрещалось, но они тайным путем ухищряются видаться.

В отношении участия ребёнка Захарьян с детьми вольнонаёмных служащих в части посещения дет. площадки, дет-

сада и пр., нами оказывалось всемерное содействие, но этим Захарьян не хотела воспользоваться, задавшись своей целью воспитать ребенка, как указано, в контрреволюционном духе.

Захарьян с момента прибытия на командировку до сих пор нигде не работает, и от Вас на этот счет, несмотря на мой запрос, нет никаких указаний.

В целях ликвидации в корне указанной группы троцкистов необходимо убрать с командировки троцкистов: Сербского и Захарьян, что главным образом лишит группу руководителя, и во вторую очередь – обезглавленная группа троцкистов лишится места сборищ (комнаты, занимаемой Сербским), каковая является для них местом явок.

Жду Ваших указаний.

*Начальник командировки В-Берзинской
п/л пункта имени т. Берзина
Болотовский
17.06.37 г.*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

18 августа 1937 года

з/к Сербского С.Н.

Вопрос: *Когда вы прибыли на прииск им. Берзина и откуда?*

Ответ: *На прииск им. Берзина прибыл в октябре 1936 г. со 132-й дистанции.*

Вопрос: *Назовите знакомых по лагерю.*

Ответ: *У меня много знакомых.*

Вопрос: *Назовите их фамилии.*

Ответ: *Литвинов, Шпитальник, Нейман и почти все проживающие в спец. бараке номер два.*

Вопрос: *Что за сборища происходят у вас в комнате?*

Ответ: *Сборищ в моей комнате никогда не было и не бывает.*

Вопрос: *Что за доклад делал у вас Матусевич о валютных мероприятиях Франции и Англии?*

Ответ: *Такого доклада не было.*

Вопрос: *В декабре 1936 года организовывали ли вы коллективный протест с семнадцатью подписями против водворения в РУР за отказ от работы з/к Штруля?*

Ответ: *Я подписал заявление на имя директора Дальстроя и начальника РО НКВД, в котором просили реагировать на посадку в РУР больного цингой з/к Штруля.*

Вопрос: *Знаете ли вы Матюгова, Малюту, Яичникова, Шпитальника, Крацмана, Рубельского, Балясного и Неймана Я.С.?*

Ответ: *Да, знаю, как и многих других.*

Вопрос: *Какие с ними взаимоотношения?*

Ответ: *Отношения с ними обычные.*

Вопрос: *Как часто заходят эти лица к вам в комнату и зачем?*

Ответ: *Некоторые из них заходят очень редко, поиграть с ребенком, а некоторые заходят чаще, как-то Шпитальник, Нейман, Яичников, так как они помогают мне таскать дрова, пилить и колоть их.*

Вопрос: *Давали ли вы этой группе задания вести разлазательную работу в бригадах и на производстве?*

Ответ: *Мне эти лица знакомы каждый в отдельности, и как группу я их не знал, и никаких указаний я им не давал.*

Вопрос: *Признаёте ли вы себя виновным в том, что, находясь на прииске им. Берзина, проводили вредительскую подрывную работу и контрреволюционную борьбу, направленную против мероприятий ЦК ВКП(б) и советской власти?*

Ответ: *Нет, виновным в этом себя не признаю, так как никакой работы вредительской я не проводил.*

Вопрос: *Что вы ещё можете добавить по существу заданных вам вопросов?*

Ответ: *Больше ничего добавить не могу. Протокол записан с моих слов правильно и мной прочитан, в чём и расписываюсь.*

На бланке протокола допроса Захарьян Е.Т. от 20 августа 1937 года написано: «Показания давать отказалась».

ВЫПИСКА

из протокола № 3 Заседания Тройки УНКВД по Дальстрою
от 7 сентября 1937 года

СЛУШАЛИ:

Дело № 229 УНКВД по Дальстрою по обвинению:

1. Сербского Соломона Наумовича, 1907 года рождения, ур. г. Бердичева Киевской области. Троцкист с 1928 г. Осуждён: в 1929 г. к 1 году политизолятора с последующей ссылкой на 2 года; в 1931 г. лишён права проживания в 12 пунктах сроком на 3 года; в 1933 г. к 3 годам политизолятора; в 1935 г. за участие в КРТД ссылка на 3 года; в 1936 г. за КРТД сроком на 5 лет; в активной к-р подрывной и троцкистской деятельности –

ПОСТАНОВИЛИ:

Сербского Соломона Наумовича РАССТРЕЛЯТЬ

СЛУШАЛИ:

2. Захарьян Евгении Тиграновны, 1901 года рождения ур. г. Тифлиса. Троцкистка с 1929 г. Осуждена: в 1929 году по статье 58-10 к 3 годам ссылки; в 1932 г. за КРТД к 3 годам политизолятора; в 1933 г. к 3 годам ссылки; в 1936 г. за КРТД к 5 годам ИТЛ; в активной к-р подрывной и троцкистской деятельности –

ВЕРНО: оп. уполн. 8 отдел УГБ УНКВД по ДС,

ПОСТАНОВИЛИ:

Захарьян Евгению Тиграновну РАССТРЕЛЯТЬ
подпись печать

АКТ

13 октября 1937 г. г. Магадан – ДВК

Настоящий акт составлен в том, что согласно решению Тройки УНКВД по ДС, утверждённому Тройкой УНКВД по ДВК – приведён в исполнение приговор в отношении Сербского Соломона Наумовича, 1907 г.р. ур. г. Бердичева, осуждённого к ВМУН – расстрелу.

Настоящий акт составлен в 3-х экз.

Начальник 4-го отдела УГБ
УНКВД по Д.С. Мосевич

И.о.коменданта УНКВД по ДС
мл. лейт. Гос. безопасности Соколов

Начальник внутренней
тюрьмы УНКВД по ДС Кузьменков

АКТ

13 октября 1937 г. г. Магадан – ДВК

Настоящий акт составлен в том, что согласно решению Тройки УНКВД по ДС, утверждённому Тройкой УНКВД по ДВК, – приведён в исполнение приговор в отношении Захарьян Евгении Тиграновны, 1901 г.р., ур. г. Тифлиса, осуждённой к ВМУН – расстрелу.

Настоящий акт составлен в 3-х экз.

Начальник 4-го отдела УГБ
УНКВД по Д.С. Мосевич

И.о.коменданта УНКВД по ДС
мл. лейт. Гос. безопасности Соколов

Начальник внутренней
тюрьмы УНКВД по ДС Кузьменков

Поэты Озерлага

Валерий АЛЕКСЕЕВ

ВАЛЕНКИ

*Дважды Герою
Советского Союза
генерал-майору В.Крюкову.*

Там было много брата нашего.
Что говорить о мелочах?!
Со мною рядом чуть не маршалы
Таскали бревна на плечах,
Там живописцы и ваятели,
что знали славу и почет,
и знаменитые писатели
со мной делили табачок.
Там все мы жить учились заново.
Не думал я и не гадал,
но как-то раз саму Русланову
на клубной сцене увидал.
И генералы, и учёные,
уняв волнение свое,
и рядовые заключенные
внимали голосу ее.
Забыв дела лесоповальные,
я, сгорбясь, у стены стоял
и слушал песенку про валенки,
весь срок в которых щеголял.

Анна БАРКОВА

Хоть в метелях душа размоталась,
Всё отпето в мертвом снегу,
Хоть и мало святынь осталось, —
Я последнюю берегу.
Пусть под бременем неудачи
И свалюсь я под чей-то смех,
Русский ветер меня оплачет,
Как оплакивает нас всех.
Может быть, через пять поколений,
Через грозный разлив времен
Мир отметит эпоху смятений
И моим средь других имен.

1954

Как дух наш горестный живуч,
А сердце жадное лукаво!
Поэзии звенящий ключ
Пробьется в глубине канавы.
В каком-то нищенском краю
Цинги, болот, оград колючих
Люблю и о любви пою
Одну из песен самых лучших.

1955

Борис ВАЙЛЬ

Испуган взгляд обиженных детей.
Не шлет улыбок неба это лето.
Не верь здесь никому! Ни чьей воды не пей!
К устам не подноси кусок чужого хлеба!
И страх на лица положил печать,
И брат готов предать из страха брата.
Здесь иль не жить, а жить – так уж страдать,
Цветы увидишь здесь – беги их аромата.
...Но ждут в мольбе кого-то вечерами.

1959, Вихоревка.

Арсений ТИТОВ

Щелкнул затвор у конвоира.
И выстрел, как хлопок бича.
Когда-нибудь заплачет лира
По убиенному сплеча.

Без имени и отпеванья
Нас зарывали в мерзлоте.
Воздай им, Боже, всем по званьям
Теперь за злодеянья те.

1949

Виктор СЕРБСКИЙ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Те, кто стреляли в моего отца,
Заслуженные ныне ветераны
По вечерам на лавке у крыльца
Душевные залечивают раны –
Не от вины...
Без палки и свинца
Толкают в гроб их внуки-наркоманы.

Григорий ВОРОЖБИТОВ

*Мамке на женской
колонии ст. Видим,
которой исполнилось 14 лет.*

Смотрю в глаза и – жалость,
жалость!
Дитя, совсем еще дитя,
А матерью уже назвалась
Не как-нибудь и не шутя –
Законно.
Ты имеешь сына,
Но не имеет сын отца...
Достойна наших дней картина,
Не знающая образца.

1952

Моя больная муза не могла
Петь громко там, где горько
плакать надо.
Она себя ревниво берегла,
Не требуя ни от кого награды.
Зато порой неистово и зло
Секлась сырыми прутьями
березы...
Моей негромкой музе повезло
На слезы...

Николая ДОМОВИТОВ

Наш начальник, умный вроде,
Говорил нам на разводе:
– Убегать вам нет резона,
Ведь вокруг сплошная зона.
Ни за что не убежёте,
Ни к какой едрёной тёте,
Все равно мы вас поймаем,
Поздравляю с Первым маем!

Анатолий ЖИГУЛИН

СТИХИ

Когда мне было
Очень-очень трудно,
Стихи читал я
В карцере холодном.
И гневные, пылающие строки
Тюремный сотрясали потолок:
«Вы, жадною толпой стоящие

у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда
– все молчи!..»
И в камеру врывался надзиратель
С испуганным дежурным офицером.
Они орали:
– Как ты смеешь, сволочь,
Читать
Антисоветские
Стихи!

1963

Ида НАППЕЛЬБАУМ

Ты – номер, ты – не человек,
АК-709.
Но это же двадцатый век,
Как можно этому поверить?
Не тщись понять, напрасный труд
Решать подобные загадки,
Крепи скорей с клеймом лоскут
Себе же на лопатки.
Но время шло, ровняя борозду,
Позор стал общий обиход
И номера, что дали на беду,
Девчата тонкой строчкой
гладью шили,
Чтоб, идя на проверку и развод,
Одна перед другой форсили.

1952

Тайшет-Братск

Составитель Виктор Сербский

Владимир Монахов

Л-жизнь

Куда бы ты ни поехал, всюду вынужден таскать себя за собой.

Старинное изречение, приписываемое Сенеке

Посвящается реальному Валерию Александровичу

Воробьеву

1.

Открытие птицы

В комнату ко мне залетела птица. Она испуганно билась крыльями о потолок и стены, сильно кричала – просила помощь. Но я лишь спокойно наблюдал. Птица в изнеможении села на гардероб и сочувственно сказала:

– Какое у вас твердокаменное небо, как вы здесь живёте?

– Вот так и живём. Если бы не потолок, то, лёжа на диване, никогда бы не узнали, в чём смысл жизни, – просветил я птицу.

Валерий Александрович Воробьев вел привычную правильную трудовую жизнь провинциального мастерового человека в заштатном сибирском городке, где с одной стороны плотины гидростанции плескалось рукотворное, заплывшее жиром промасленного промышленностью многоводья море, а с другой – обрубок рукава реки, потерявшей среди людей в результате технологических переустройств исконное историческое название. Воробьев здесь родился, похоронил отца и мать, выдал замуж двух дочерей. А попутно, где честным, а где и рискованым трудом, сколотил небольшой капиталец, который вложил в авторемонтную мастерскую. Конечно, авторемонтная мастерская – сказано слишком сильно, поскольку это был обычный, оставленный ему в наследство отцом коо-

перативный гараж, который новый владелец значительно расширил и технологически обустроил.

В мастерской Валерий Александрович проводил за работой не только будни, но и выходные, порой переходящие в праздники, которым не было в нашей стране конца. По молодости Валерий Александрович любил праздновать, но чем старше становился, тем меньше находил в праздности душевной утехи, тем более, что с главным грехом русского человека он давно крепко-накрепко завязал. Однообразие рабочих дней его не пугало, Валерий Александрович скрашивал трудовые будни музыкой The Beatles и Deep Purple, регулярно читал толстые философские журналы и не менее внушительные книги, которые брал в местной библиотеке, – в провинции такие издания водились, но мало кто в них заглядывал. Единственными конкурентами автомастера были студенты-заочники, которые в книги заглядывали, но мало что в них понимали, да и не стремились к этому, главное – запомнить основные постулаты и сдать экзамен. И когда Валерий Александрович сталкивался с таким охотником или охотницей за дипломом, то уж не упускал возможности блеснуть своей образованностью, следуя современной присказке: резал правду матку, да так, что правда умирала, а матка оставалась.

Но особенно мастер любил поразить начитанностью своих многочисленных заказчиков, среди которых было много заданных нищетою пенсионеров, успешных, но мелких активистов рыночной экономики, а также обнаглевших от избытка денег бандюганов. Он выплескивал на них переработанную смесь собственных афоризмов и максим, выливавшихся в поучительные советы по ходу текущей жизни заштатного городка, который когда-то не сходил с первых полос советских газет.

Так однажды, получая расчёт натуральным продуктом – лапшой, сигаретами и кондитерскими изделиями китайского производства – от торгаша, работающего под крепко сколоченной крышей бандитов, Воробьёв, между прочим, афористично пошутил:

– Только грязный бизнес даёт большую чистую прибыль!

– Ты чё сказал? – пристально посмотрел колючим взглядом в глаза мастеру заказчик.

– Только грязный бизнес даёт большую чистую прибыль, – на автомате повторил Воробьёв изречение, только сейчас ощущая, как внутри мускулистого тела холодеет кровь.

– Сам придумал? – поинтересовался заказчик.

– Нет, в умной книжке прочитал, – слукавил Воробьёв.

– Жаль! Если бы сам придумал, я бы тебе заплатил за авторство по отдельному тарифу. А так – большое торговое спасибо. И запиши на отдельном листочке. Буду должен.

– Да, – вздохнул Воробьёв. Как-то сразу вернулась присутствующая ему смелость и находчивость: – Своим умом в России не зарабатываешь.

– Так что – сам придумал всё-таки? – прищурившись, пристально изучал Воробьёва заказчик.

– Нет, нет, вычитал в свободное от работы время.

– Да, много умного уже написано, жаль, времени не хватает на культуру, – подвёл черту разговору заказчик.

– Так ты заезжай чаще, может, ещё чего умного услышишь...

– Не наглейте, Валерий Александрович! А то ведь можно языка вместе с головой лишиться.

– Понял! – улыбнулся мастер, спохватившись, что он и так чересчур много сказал мелкому, но жадному хозяину новой жизни. А девизом мастера была собственным умом выведенная житейская формула: когда тебе за пятьдесят, главное как можно реже попадать в неудобные для себя ситуации.

Но если суетливый клиент, ожидающий мастера с раннего утра у ворот гаража, сообщал Воробьёву, что очень торопится, даже некогда было позавтракать, то с распоясавшейся иронией Валерий Александрович вразумлял несерьезного гражданина:

– Завтракать и обедать нужно обязательно. И лучше плотно. Это вас защитит от грядущих зимних эпидемий типа гриппа или какой-то там ОРЗешни...

– Да что вы? – как правило, заискивающе изумлялся клиент медицинской осведомлённости мастера.

– Научно доказано и проверено на себе!

– А как же народная мудрость, что завтрак съешь сам, обедом поделись с другом?

– Фигура речи. На самом деле и завтрак, и обед нужно съесть самому. А вот ужином уже можно поделиться... с женой. Поскольку она и есть главный враг порядочного мужчины. Я всегда плотно завтракаю и сытно обедаю. И супруга может подтвердить: уже десять лет никаких ОРЗ!

– Надо же! – не переставал удивляться клиент, надеясь, что, находясь в прекрасном расположении духа, мастер не подкачает и в ремонте машины. Ведь это только кажется, что если у тебя есть деньги, то мастер обязан перед тобой лебезить и прогибаться. Воробьёв никогда не заискивал перед клиентурой, считая заказчиков, у которых водились деньги в избытке, круглыми дураками. Но если брался за работу, то делал её настолько отменно, насколько позволяли технические возможности автомобиля и материальное состояние клиента.

Иной раз зашуганный невзгодами и безденежьем пенсионер пожалуется Воробьёву, что ему страшно включать телевизор, а тем более смотреть последние новости – на это у автомастера есть чёткая установка:

– А вы смотрите канал “Культура”. Никаких тебе взрывов, убийств и прочих леденящих душу кадров. У них круглые сутки на экране одни приятные новости, а если чего и случилось недостойного, то это в далёкой истории, как говорится, преданья старины глубокой. Я несколько лет смотрю “Культуру” и благодаря этому сохранил крепкую нервную систему. И жену к этому приучил...

– А вдруг что-то важное пропустим? – проявлял несговорчивость пенсионер.

– Дорогой, если в вашей жизни и было что-то очень важное, то вы это уже давно пропустили. А коль в мире сильно важное произойдёт, то нам и без телевизора об этом станет известно!

– Это каким же образом?

– Да все вокруг об этом будут судачить! – восклицал Воробьев.

– И то верно! Я ведь давеча пропустил сообщение про повышение цен, так сегодня в гараже все только об этом и говорили.

– Что и требовалось доказать... Будем политинформациями заниматься или машину ремонтировать? – возвращал клиента к насущным проблемам Воробьев.

– Ой, заболтался, интересно с вами, Валерий Лександрович, разговаривать.

– А мне и самому с собой интересно! Ведь главное что – человек должен ориентироваться в самом себе, как я, например, в вашей машине. По звуку слышу – карбюратор барахлит?

– Он, проклятый! – соглашался пенсионер.

– Будем разбираться!

2.

Запрет

Мы рождаемся и живём под присмотром “нельзя”. И всё время интересуемся, а когда будет можно. “Вам скажут”, – утешают нас носители запрета “нельзя”. Вот настает пора, что кажется можно, но выясняется, что тоже нельзя, потому что мы это уже говорим другим. Так узнаем, что можно только говорить “нельзя”, причём только тем можно, кому разрешено говорить “нельзя”.

За практичным и частью циничным умом гаражного мыслителя старательно скрывалась душа мечтателя. В современной жизни очень часто бывает: если строго структурированного мастерового русского человека слегка потерять словесной наждачкой, то за гламуром практичности легко обнаружить источник буйных фантазий, которые он стремится в свободное от работы время воплотить в жизнь. Валерий Александрович Воробьев обожал читать. Чтение книг ему доставляло огром-

ное наслаждение, потому что, только читая, он понимал: под его черепной коробкой скрывается недюжинный ум, который позволяет не только понимать написанное другими образованными людьми, но и самому производить нетривиальные мысли как отклик на прочитанное.

К чтению Валерий Александрович пристрастился на флоте – сначала военно-морском, затем – речном. А читал он не абы какие-то там детективы, а русскую классику и мировую философию. И в этом он с молодости проявил свою практическую смекалку. Детективы быстро пропадали в команде, а Толстой с Достоевским и Платон с Сенекой оставались нетронутыми. Даже монотонная скука корабельной жизни не могла заставить вчерашних школьников снова открыть набившую оскомину классику. Благодаря этому Воробьёв в целостности и сохранности сберегал на корабле свою библиотеку, которая кочевала за ним нетронутой по трём кораблям. Только однажды капитан попросил у Воробьёва Пушкина для дочери, да так и не вернул. Но Валерий Александрович счёл это малым убытком, поскольку капитан, понимая и ценя увлечение Воробьёва, никогда не отрывал его от этого занятия.

И когда на полки книжных магазинов хлынула разнообразная литература, а Воробьёву было жалко тратить на однодневки, которые изначально казались важными, он каждый день заходил в книжные магазины и в течение часа изучал новинки. Откровенно говоря, Валерий Александрович нагло читал книги, и продавцы привыкли к такому странному клиенту и уже воспринимали его как местную достопримечательность торговой точки. Тем более, чего шуметь, если литература расходилась бойко, а с Валерием Александровичем можно было поговорить о содержании и качестве книжных новинок.

Когда эта история попала в местную печать, возмущённый Воробьёв собрался было начать против журналистов судебный процесс, но потом успокоился, поскольку фамилия его даже не была названа, перестал ходить в магазин и записался в библиотеку. К своему удивлению, он обнаружил там бо-

гатый отдел философской литературы, которую кроме него почти никто не читал... А быть пионером в любом деле для Валерия Александровича много значило. Впрочем, чтение философской литературы образовало у него немало свободного времени, поскольку умные мысли попадались в книгах нечасто, и он старательно их обдумывал. За этим старательным обдумыванием Валерий Александрович неожиданно вышел на свою юношескую мечту – стать сочинителем. Он уже автоматически что-то там записывал, преимущественно стишки да басенки, чтобы подразнить ревнивую жену или восхитить мадригалом запавшую в душу дамочку, что с ним случалось нечасто, но регулярно. Не брезговал сочинитель и скабрёзным стишком: “я к вам давно питаю чувства хера, что вырос до активного размера” – это для дам попроще, которые визжали при таких словах от удовольствия раньше, чем его получали. Была у него и тонкая находка: “Божественное Фа – для лабухов фа-гот!”, которую оценили знакомый музыкант и пара утончённых, с музыкально-поэтическим слухом дам.

Случилась в его жизни странная история, которую он никому не рассказывал, но всегда помнил. Отдыхал на Байкале. Однажды среди ночи потянуло на свободу. Вышел из палатки, отошёл чуть в сторону и начал править малую нужду. И тут увидел. С неба, сторая, катилась звезда. Так быстро катилась, что мыслью за ней не поспеть. Но Валера поспел. Его единственная дума в эти секунды была проста и неприхотлива – стать писателем. Почему писателем, зачем писателем, ведь кроме песенок и корявых стишков он тогда ничего не сочинял!? Но так сложилось, ничего умнее в голову не пришло. И эта его заявка на счастливую звезду всю жизнь мучила его, не давала покоя: а вдруг звезда счастливая? Стишки он считал попутной песней, баловством ума, а мечталось Воробьеву написать большое и значительное произведение в прозе, чтобы однажды поставить в нём точку, отдать в печать, лечь утомлённым в постель и проснуться утром знаменитым.

Но, как человек практичный, будущий писатель понимал: прежде чем проснуться знаменитым, нужно немало поработать не только головой, но и руками. Напрягать мыслями голову Валерий Александрович любил, а руками он трудился всю жизнь, и это его не пугало. Но зачем писать? – задавал себе такой вопрос Воробьёв и сам же на него отвечал: современная русская литература не обыскана читателем, никто даже не знает, что творится на непаханом литературном поле, да и творится ли там что-нибудь? В литературной среде всё протекает как-то вяло, зыбко, не возвышая и не восхищая душу. А потому литература больше не приходит на ум современному человеку. Читая новое, он уже не сможет о себе сказать – эта книга меня всего перепахала. Если и сохранилась тяга человека к романному отображению бытия, то скорее всего через математические формулы, которые делают жизнь более просчитанной. В результате этого литература достигла такого состояния, что читать чужое стало неприлично и бессмысленно, проще и убедительнее написать самому новое, которое, может быть, и повторит все прежние сюжеты, но будет роднее и важнее или хотя бы покажется таковым, что затмит всех классиков. Мысль эта грела его душу, и он регулярно находил и возбуждал её в себе, катая взад и вперед души, как сладкий леденец памяти.

Правда, никакой продуктивной литературной идеи, а тем более строго продуманного сюжета у Воробьева не водилось, и первое, что он сделал, сев однажды вечером за чистый лист бумаги, стал по цепочке вспоминать свою жизнь, всю от начала до конца. В его переполненной техническими расчётами голове автомобильного мастера всплыл первый факт детства, который он стал быстро записывать, не отдавая себе отчёта, почему вспомнилось в первую очередь именно это?..

3.

**Маленький рассказ
о маленьком человеке**

Маленький человек родился маленьким, рос маленьким и, повзрослев, остался маленьким. Он просыпался по утрам маленьким, маленьким шёл на службу и делал маленькую работу. Потом забирал из маленького детсада маленького сына, гулял с ним в маленьком дворике, пока маленькая жена не звала кушать маленький ужин. Маленький человек ложился спать маленьким и вставал по утрам всё таким же маленьким, как вчера. И завтра он будет маленьким, и умрёт он маленьким, и могилка у него будет маленькая, и память о нём будет маленькая.

Но маленький человек каждую ночь смотрит сны, где действуют большие-пребольшие люди, которые однажды стали явью и сделали мир таким, каким маленький человек видел его в своих снах. Большой красивый мир, который опять заселили маленькие люди, которым снились сны большой яви. Но это всё та же история, только про других маленьких людей, маленьких, как ты и я.

– Но ты ведь большой, очень большой, – выслушав историю, запротестовала женщина.

– Это только тебе кажется, – возразил создатель мифов.

...Маленький Валерка стоял в окружении дворовых мальчишек, которые были старше его. Двое крепко держали мальчика за руку, а трое поочерёдно плевали ему в лицо. Валерка упирался, мотал головой, старался увернуться от позорных плевков, но, омерзительные, они точно попадали в цель и текли противно по глазам, щекам, губам... Валерка крепко сжал губы, ему хотелось позвать на помощь, но он понимал, что делать этого не имеет права. Ему, как новичку в этом дворе, долго не простят, что он призвал на помощь взрослых. Но терпеть унижение дальше тоже невозможно, это было сверх сил

мальчика, и он упорно вырывался, бодался, и хотел в отместку плюнуть в приблизившее лицо врага, но почему-то вместо плевка изо рта пронеслось на весь двор пронзительное:

– Ма-ма-а-а-а!

Мать выбежала на крик сына быстро. Было удивительно, как могла столь полная женщина так скоро спуститься со второго этажа и появиться во дворе. И мальчишки, увидев дородную женщину, которая неслась на них со скалкой, бросились врассыпную, как воробьи. Мать подбежала к плачущему сыну и, увидев, что все лицо мальчика заплёвано, быстро стёрла слюну подолом халата. “Ах, паразиты!” – выкрикнула она на весь двор и погналась за мальчишками. А те бежали к спасительному забору, который отделял двор от школы. Легко перемахнув через ограду, они стояли на той стороне и смотрели, что будет делать женщина, как себя поведёт перед преградой. Рассчитывали, что будет только браниться. Но мама Валерки оказалась не робкого десятка и, несмотря на большой вес, проворно оседлала забор, занесла лихо ногу, халат растопырился, и мальчишки искренне ахнули:

– Она без трусов!

– Смотрите – тётка без трусов! – заорали они дружно, что есть силы, во всю ивановскую.

Женщина от этого дерзкого крика замерла на заборе, только сейчас осознав, что с ней происходит нечто худшее, чем обида за сына. Она с опаской посмотрела себе между ног и обнаружила, что полы халата разметались и на ней не было нижнего белья. И за всем этим, похихикивая, наблюдали дети, которые не молчали... Весь её пыл тут же пропал, она как-то сразу сникла и робко слезла с забора, не понимая, как умудрилась на него забраться, засеменила к рыдающему сыну, схватила его за руку и побежала в подъезд. А вдогонку дворовая шпана беззастенчиво орала, чувствуя своё превосходство, добивая и мать, и сына:

– Тётка без трусов! Тётка без трусов! Тётка без трусов!

Всю неделю появление Валерки во дворе сопровождалось

обсуждением материнского позора, который ложился на его хрупкие плечи. Валерка как-то сжался, потускнел от этих насмешек. Но для него было сильным ударом по душе не эти дурацкие разговоры, а неожиданное открытие, что его мать такая же женщина, как те, на которых они ходили тайно подсматривать в ближайшую баню. Но если моющиеся женщины за потным, до половины крашенным зарешёченным окном были незнакомые, далёкие и оттого чужие, то тут говорили о самом родном ему человеке. И от этого Валерке становилось противно во рту и болезненно давило в области солнечного сплетения. Он сжимал кулачки, несколько раз вступал в драку, но был бит дворовой безжалостной ватагой. Впрочем, вскоре произошло жуткое событие – в соседнем парке была изнасилована и убита молодая женщина, изуродованное тело которой нашли местные мальчишки. И новое событие вычеркнуло Валеркин позор из дворового фольклора...

4.

Под звуки истории

Теперь человечество просыпается под звуки истории последних новостей. Не успеваешь протереть глаза, как тебе сообщают о ночной жизни президента, нападении на страну и очередном футбольном побоище на той стороне света... Из всего потока истории ты вылавливаешь сообщение, что дорожают хлеб и мясо, на кофе неурожай и принц Датский всё ещё думает: быть или не быть, на сцене провинциального театра...

А ведь прежде собственная жизнь казалась ему ничтожной и малозначительной для пера. Но чем больше он переключал воспоминания и окружающие его события на бумагу, тем отчётливее и ярче ему виделся в ней достойный материал литературы. Он начинал с напутствия Эрнеста Хемингуэя – сочинять в день не меньше ста слов, но чем чаще он садился за письменный стол, тем легче ему сочинялось, и он достигал

результата в тысячу слов ежедневно. Он радовался такой плодovitости, черпая материал в памяти прожитой жизни.

В течение дня, заворачивая гайки в мастерской, он вспоминал прошлое, прокручивая свой, только ему известный сюжет в голове, а вечером садился за письменный стол и старательно записывал всё, что вспомнилось за день. Воробьёв с удивлением обнаружил, как быстро разрасталась рукопись. И если сначала он думал, что напишет рассказ, то через месяц склонился к мысли, что рукопись тянет уже на повесть, но не прошло ещё и двух недель, как он начал себя убеждать, что теперь ему по силам и роман, который наполнялся все новыми действующими лицами, историческими событиями, житейским опытом. Ощущение романа сделало его жизнь значительнее и важнее, хотя он не бросал основное свое производственное дело, которым кормилась семья.

Писательство наполнило его жизнь новым содержанием, но не лишило здравого смысла. При этом внешняя жизнь ушла в сторону, отдалилась, выполнялась на автомате, а внутренне Воробьёв жил своим литературным произведением, в которое страница за страницей проникала вся его прошлая жизнь, пронизанная единым сюжетом. Впрочем, Воробьёв уже замечал, что сюжетные линии разветвлялись и двигались в разные стороны помимо его воли, обрастая какими-то вымышленными деталями, которых не было в его собственной жизни. При этом обнаруживалось: то, что он хотел написать, куда-то исчезало в его подсознании и не ложилось на бумагу, а на этом месте появлялся текст, содержание которого было мало понятно автору. К тому же Воробьёв стал ощущать, что рукопись не приближается к концу, а наоборот, непомерно наполняется и разрастается калейдоскопом чужих событий, чужих диалогов, и понимал, что как писатель живёт под чужим влиянием, его рукой водит кто-то другой...

Воробьёв стал уже всё чаще и чаще мечтать добраться до последней точки, когда можно было бы перевести творческое

дыхание. Но заветная точка никак не проявлялась под его рукой, потому что литературный текст как-то сам двигался по неизвестному автору направлению, как будто кто-то другой из внешней среды включился в процесс создания романа. Но при этом и Воробьёв не был посторонним в процессе, через него работала неизвестная ему сила, которая ломала всё, что автор задумывал днём, и наполняла его литературный труд совершенно иным содержанием, с которым у Воробьёва рождалось несогласие. Это была как бы его жизнь, но она становилась или излишне приглаженной, или очень драматичной, в неё проникали и вовсе незнакомые детали, которых становилось всё больше и больше. Хотя события, новые герои и картины природы, которые рождались под его рукой, но явно по чужой подсказке, ему временами нравились, но они всё же были какими-то чужими, нарушали его представление и понимание жизни. И когда однажды текст пошел уже заведомо по не запланированному ещё днём руслу, Воробьёв стал в сердцах рвать последние страницы рукописи.

5.

Иудины дети

И сказал первый:

– Ты – иуда!

И возразил ему второй:

– Иуда – ты!

– Я первый сказал! – возмутился первый.

– Ты первый продал! – был непреклонен второй.

Достаточно всего тридцати сребреников, чтобы нанять Иуду для предательства, но никаким золотом мира не заставить держать язык за зубами желающих доносить.

– Это уже не жизнь! – возмутился Воробьёв-писатель.

– А что же? – ухмыльнулся Воробьёв-роман.

– Литературный глянec, – настаивал Воробьёв-писатель. –

И к тому же написанный кем-то другим, который не имеет ко мне никакого отношения.

– Это же и прекрасно, если в авторе пробуждается другой автор. Только другой способен переработать из несознательного потока такого неопытного писателя, как ты, нетривиальные образы, сюжеты и мысли, – изрёк роман.

– Я не для массового читателя пишу.

– Неужели для элиты?

– И для неё тоже.

– Элитных произведений много, а читающей элиты мало.

Кто сегодня станет читать твои воспоминания, переходящие в философские максимы? Запомни: элитарного творчества, на которое ты претендуешь, в избытке, читателя для таких текстов маловато. Быть гением нерентабельно. Роман должен нести в себе коммерческое предложение, и оно у тебя есть, а я готов его развить и обеспечить...

– Пусть читателей будет мало...

– Ой, ой, давно наслышаны: пусть мне Бог пошлёт хоть одного читателя! Это вы так только для публики говорите, а сами мечтаете о миллионе новых читателей, крупных счетах в банках и продолжительной славе, переходящей в бурные, неутихающие аплодисменты.

– Да, мечтаем, но не ценой же плагиата.

– Какого плагиата? Ты где видел плагиат?

– А последние страницы романа – это откуда? Разве этого не писали в средние века?

– Ты имеешь в виду Данте или Шекспира?

– Я имею в виду Рабле!

– Да боже мой, каждый новый писатель переписывает предшественников. Роман-сюжет всего один, а опубликованных произведений сотни тысяч.

– Но это не мой роман, а чужой, противный душе текст, – возмутился Воробьёв.

– Писатель – это человек, который создаёт из одного романа другой роман, из другого – третий, из третьего... Ну, ты, надеюсь, понял, – ответил ему известным чужим афоризмом на это роман.

– Но я не хочу творить вымыслом!

– В большой литературе всегда присутствует вымысел правды! И только вымышленное – бессмертно!

– Но не плагиат же?

– Конечно, нет! Плаги-АРТ – вот наш новый жанр, который мы с тобой освоим первыми! Если хочешь доходчивей, то роман-цитата!

– Роман-цитата?! Не понимаю, о чём ты говоришь. Я хочу нормальный народный русский роман, который бы был всем в мире интересен.

– Какой? Русский?! Русская литература давно не имеет после Достоевского, Толстого и Чехова международного хождения.

– А Пастернак?

– Заблуждение!

– А Шолохов?

– Ошибка!

– А Булгаков?

– Плаги-АРТ!

– И что ты предлагаешь?

– Работать над рукописью дальше! А лучше говорить, ведь “всякое великое движение на земле обязано своим ростом великим ораторам, а не великим писателям”. Конец цитаты. Писатель-оратор, писатель-трибун.

– И кто это сказал?

– Я! Правда, устами Адольфа Гитлера. А хочешь в этом убедиться – полистай “Mein Kampf”. Это туда я вписал эту мудрую мысль на века.

– Да, с тобой не поспоришь. А не пора ли ставить точку? – решительно напомнил Воробьёв-писатель.

– Попробуй! Ты же основной автор, я только так, сбоку припёка, – усмехнулся Воробьёв-роман.

“Я интересовался книгами. Знакомая молодая учительница сказала, что в их школе валяются старинные книги.

– Где? – не на шутку разволновался я.

– На чердаке хранятся, – спокойно ответила собеседница.

– Покажи немедленно! – потребовал я.

И она повела меня на чердак школы. Действительно, среди разного бестолкового хлама лежала небольшая стопка запылившихся книг, выпущенных в XIX веке. Я просто потерял дар речи: прежде в нашем провинциальном городе я таких столь редких книг не видел. Поэтому очень долго старательно перебирал их, гладил твёрдые переплёты, очищал от пыли, чуть не сказал вековой, но было видно, что недавно фолианты кто-то держал в руках.

– А они чьи? – почти задыхаясь, наконец-то нашел в себе силы вымолвить я.

– Ничьи! – ответила учительница. – Можешь даже себе забрать.

– Правда что ли? – не поверил я своему великому счастью, неожиданно свалившемуся мне на голову.

– Правда, правда, бери, – легко рассталась с этой драгоценностью учительница.

Я даже оторопел от такой щедрости.

– И я ничего за это не должен школе? – посмотрел внимательно на учительницу.

– Ничего! – с улыбкой сказала она.

– ...и тебе?

– А мне тем более, ведь книги не мои, я всего лишь здесь их обнаружила.

– Значит, они ничьи? – ещё отказывался я верить своей удаче.

– Почему ничьи – твои! – собрала книги и положила мне в руки учительница.

– Спасибо! – ответил на щедрый жест я и попытался улыбнуться, но не получилось, книги вывалились из рук и хлопнулись шумно об пол, подняв тучи пыли. Я нагнулся быстро и стал собирать.

– Ну, пошли, а то как-то жутко здесь, – сказала моя попутчица и быстро пошла к выходу чердака.

Я торопливо собрал книги и пошёл следом, учительница браво шла впереди, что-то напевая. Я видел только её затылок, который притягательно белел, заставляя мысли сбиваться с книг на учительницу. Я не понимал, почему она так поступила, и торопился как можно быстрее уйти с книжным богатством, пока она не передумала. На первом этаже мы попрощались. Я был угрюм, а учительница весела.

– Заходи, – с улыбкой сказала она на прощание.

На работе я показал коллегам книги и рассказал, где их взял. Книги одобрили, а потом один из старых работников, из тех, кто каждый день заканчивал бутылкой дешёвого вина, ехидно спросил:

– Ты, надеюсь, даму отблагодарил?

– Да, сказал спасибо! – ответил я.

– Тебя на чердак, думаешь, только за книгами заманили?

– За книгами! – уверенно парировал. – Зачем же ещё?

– Книги – предлог... Дурак ты!

И все вокруг рассмеялись. Я смотрел на книги и вспоминал: а был ли какой-то сигнал со стороны учительницы? Не помню – удаляющийся белый затылок помню – но между нами были только книги и чердачная пыль вокруг. Хотел сказать об этом, предъявив в качестве доказательства, но промолчал.

Прошло с тех пор больше тридцати лет. Те старинные книги до сих пор со мной. А как зовут учительницу, которая их так легко подарила, даже не помню. Не помню – и всё тут! И мне становится стыдно оттого, что не помню...”

6.

Первая годовщина вечности

Один человек во мне по утрам идет в сферу материально-го производства – его одобряют государство, жена и дети. Другой человек во мне вечером возвращается домой – его ждут дети, жена и терпит государство. Третий человек во мне ложится смотреть сновидения – его осуждают все за

эгоизм. Четвёртый человек во мне всё это знает, но ценит свидения больше, чем жену, детей и особенно государство. Но никак не решается вывесить над кроватью плакат: “Да здравствует 1-ая годовщина вечности!” Для этого нужен пятый человек, но он не успевает родиться из-за частых моих пробуждений.

Воробьёв сел за письменный стол, и его рука заново повела текст, из-за которого у него с романом возникли разногласия и вспыхнула перепалка. Но и на этот раз Воробьёв-роман оказался сильнее и управлял рукой Воробьёва-писателя, слово за словом восстанавливая то, что совсем недавно в сердцах было разорвано в клочья:

“Она жила сама в себе счастливо и беззаботно. Время её жизни всегда было занято, но уже через полчаса она не помнила, что делала в эти самые полчаса, устремившись к новому важному и намеченному её резвым умом в данный момент делу, которое она исполняла охотно и быстро. С такой женщиной мне было легко, она не помнила моих оскорблений, измен, уходов. И когда я вновь появлялся после продолжительного отсутствия на пороге её дома, то получалось, как будто я никуда и не уходил из окружающей среды её мира.

– А, это ты?! – она не удивлялась и не радовалась, а тут же убегала по своим домашним делам, которые она никак не могла переделать за всю свою продолжительную жизнь со мной и особенно без меня.

Но в её доме мне было сытно и тепло, имелся угол, где я мог спрятаться от суеты сует с какой-нибудь мыслью и думать ее несколько дней кряду, не заботясь о том, что меня потеряют или забудут. В стране, где я жил, нужно обдумывать одну-единственную мысль, и, если в этом наступит необходимость, изложить её деловой запиской на бумаге. Вторую мысль лучше не начинать, потому что государство наше такое злопамятное, что не даст её додумать и сделает всё, чтобы новая мысль не получила развития, а тем более завершения. Особенно это касалось людей с аналитическим складом ума, которым меня

наделило наше всеобщее образование.

И моя мысль вращалась как юла вокруг того, откуда эти дела у неё набирались? Жизнь её протекала беззаботно, ведь я никогда не обременял её своими бытовыми проблемами. Она ничего не ела, не пила, и я рядом с ней жил впроголодь. Но при этом не забывал дважды в день менять носки. Менял их после обеда, аккуратно заворачивая грязные в целлофановый пакет, где они хранились до той поры, пока мне не приходило в голову это полное собрание пропотевших носков постирать. Ей не приходилось штопать мои носки, поскольку как только они рвались, я их выбрасывал. Она не стирала мои рубашки – их было у меня множество, на каждый день жизни. И когда к концу года скапливалось, согласно григорианскому календарю, 365 рубашек, я относил их в прачечную и через неделю получал назад четыре чемодана чистых отутюженных рубашек, которые я носил до високосного года, когда нужно было прикупить ещё одну. После високосного года я выбрасывал рубашки на улицу, и их разбирали бедные люди, если им подходил мой размер. У меня было две дюжины брюк и костюмов, носовые платки на каждый день. И она никакого отношения к моему гардеробу не имела, но при этом всё время что-то штопала, чистила, убирала. Я не мог рассмотреть, чем конкретно она занимается, потому что был озабочен только своим исполинским всемирно-историческим значением, которое никогда не переходило хотя бы в одно маломальское деяние. Мы только сходились с ней в ночной постели, когда я был у неё дома, воспринимая друг друга на ощупь, по запаху кожи и внутреннему состоянию, переливаясь друг в друга всем своим внутренним содержанием, обмениваясь взаимным дыханием и запахом.

Я не задавал ей вопросов, но единственное, что меня иногда мучило и на что я не находил в её жизни при мне ответа – для кого она все это делала? Ведь по сути она имела дело с мертвецом, который жил только своими воспоминаниями, прокручивая их каждый день, как на каруселях, с утра и до

вечера. Да, да, это не оговорка, я родился мёртвым. Но мои родители этого даже не заметили, потому что я был подвижным мальчиком. Мама кормила грудью, а отец поставлял всё новые и новые игрушки, которыми я их забавлял.

Когда я подросток, меня пристроили в детский сад, где приучили играть с детьми, над которыми я быстро взял верх. Несмотря на то, что был от рождения мёртв, – быстро рос, опережая своих сверстников в развитии.

Потом меня начали учить в школе, где я сидел на последней парте и производил на учительницу Раису Ивановну тягостное впечатление. Как-то, глядя меня по русой головке, учительница шёпотом спросила у мамы: “Как вы думаете, с мальчиком всё в порядке?!” На что мама ответила: “А вы разве не заметили, что он очень умный ребенок?!” “Неужели?” – заглянула мне в глаза учительница и, рассмотрев, видимо, что-то диковинно страшное, отвела взгляд. А я стоял такой равнодушный: мёртвого словом не обидеть.

Я быстро освоил преимущества мертвеца перед живыми одногодками и захватил лидерство во дворе и в школе – командовал пионерами и комсомольцами, дрался с пацанами, доказывая свою силу, учился “на отлично”, и многие учителя ставили мне пятёрки, даже не спрашивая урока... Потом служил в армии, где погибло много моих товарищей, но я вышел сухим из воды, потому что не боялся быть убитым. Мёртвому смерть не страшна.

На свадьбе я был единственный мертвец. А позже удивился, что от меня начали рождаться живые дети. Всю долгую-предолгую жизнь строчил в газеты заметки, и, как со временем выяснилось, их содержание понимали только мертвецы, среди которых я стал знаменитым.

А когда я скончался, то, рассматривая меня в гробу, все воскликнули: “Как живой!”. А я действительно ожил, потому что родившиеся мёртвыми не умирают, а оживают. Я впервые глядел на мир из гроба и поражался его краскам, что раньше было недоступно. Все стоящие вокруг гроба видели, что

я ожил, и перешёптывались друг с другом, не веря своим глазам. Но пришли другие мертвецы и потащили меня на кладбище, где закопали в тёплую землю.

– Вот ещё один живой! – радостно встретил Пётр у райских ворот.

– Очень хорошо! – обрадовался Господь. – Наконец-то опять повеяло и у нас жизнью.

– Господи, отпусти меня жить, – взмолился я.

– Поздно! – был непреклонен Бог. – Так давно не приходили к нам живые...

– О, Господи, как остро чувствуешь жизнь в первые минуты смерти!

– Понимаю, – посочувствовал Бог и, взяв меня за руку, повёл за собой. – Вживайся!

И я вживался. Вживался рядом с ней, хотя она не имела ни имени, ни отчества, ни лица, ни тела...”

7.

Вне закона

Если бессмыслицу поставить вне закона и автору под барабанный бой отрубить голову, то бессмысленность, обогрëнная кровью, наполнится смыслом страдания. И тогда под её знамена встанут миллионы людей, чтобы первым делом захватить власть и начать казнить тех, кто не сумел понять смысл бессмыслицы. Недаром смысл ищет форму, бессмыслица – содержание.

“Зачем в моём романе этот чужой текст? – весь день на работе возмущённо кипело в душе Воробьева. – Я ничего не понимаю в нём. Мало того, что мужик какой-то странный, хоть весь от начала до конца выдуманный, но его я могу понять, так ещё и подруга у него сумасшедшая. Конечно, сумасшедшая! Где ты видел такую бабу, чтобы не интересовалась, откуда пришел мужик и чем занимался, а тем более, никогда не интересовалась хотя бы его карманами? Нет таких в мире женщин. Даже по-

следние дурочки любят шарить по мужским карманам”.

Ход практичной мысли Валерия Александровича оздоравливал его затуманенные от общения с романом мозги и повоенному наталкивал на принятие скорых решений. Надо ставить точку – опять закурилось спасительной мыслью в голове мастера. Валерий Александрович давно заметил, что в мастерской он мог свободно рассуждать сам с собою, и роман никогда не участвовал в этой дискуссии. Рабочее место Воробьёва, которое кормило семью, было под запретом, роман никогда не переступал его порог. Поэтому Воробьёву было легко здесь выстраивать новые сюжеты и спорить, поскольку ответы всегда рождались понятные и правильные. Он помнил, как один известный советский писатель полушутя, полусерьёзно говорил, что когда он не знает, как развивать сюжет дальше, то, не мудрствуя лукаво, ставит жирную точку. И даже если казалось, что сюжет в голове не закончился и требовал продолжения, то потом выяснялось, что точка поставлена вовремя, именно на этом месте книга закончена своевременно и правильно. Воробьёву нравилась эта мысль, он в себе её грел и лелеял, хотя понимал, что взявший над ним силу роман не позволит так решительно поступить. Но точка была нужна – и с этой продуктивной мыслью Воробьёв провёл весь день и с ней же возвращался вечером домой.

В мыслях Валерий Александрович держал только одну точку, которую он задумал поставить, не вступая с дискуссией с романом. Воробьёв был уверен, что сегодня ему это удастся. Представлял, как ловко он это сделает: пройдёт в комнату, не станет мыть руки, не попьет чаю, а сразу сядет за стол и там, где вчера закончил текст, напишет слово “КОНЕЦ”. Именно напишет “КОНЕЦ”, и это послужит сигналом, что автор ставит в своей работе последнюю точку и продолжать работу над произведением не будет, разве только поправит некоторые места да решительно вычеркнет лишнее, что успел вписать роман его рукой.

Обдумывая, как ловко он сегодня справится с романом,

Воробьёв приближался к своему дому, который стоял в однообразном жилом массиве однообразного города. Воробьёв любил подшучивать, что среди такого серого бетонного однообразия и примитивного тополинного озеленения не может родиться большой писатель. Но тут же мысль пошла в обратную сторону, как отточенный палиндромон, что ему как раз и удастся опровергнуть эту занозистую мыслишку и впервые в их заштатном городке появится значительный русский писатель.

В ту минуту, когда он думал о возможном появлении значительного русского писателя, на подходе к своему дому Воробьёв столкнулся с человеком, который показался ему очень знакомым. Воробьёв точно знал, что прежде они никогда не виделись, а значит, не были представлены друг другу. Так часто бывает в провинциальных городишках: встретишь человека, как будто бы даже знаешь его, но точно припомнить, откуда знаешь, не можешь. Но в этой встрече было нечто другое. В лице, и в одежде, и в походке незнакомца было что-то родное, узнаваемое. И в том, как он с не меньшим удивлением посмотрел на Воробьёва, в его пристальном взгляде читалось нечто даже родное, от чего Воробьёву стало и тепло, и одновременно щемяще-тревожно. Прохожий так же пристально рассматривал Воробьёва, и в его взгляде читалось желание что-то неуловимое вспомнить. Но, обменявшись пристальными взглядами, они разошлись, оставшись наедине со своими мыслями. И только в минуту расхождения Воробьёв ощутил, как что-то пронзительно кольнуло в груди, заставило сбавить шаг. Но Валерий Александрович был в таком возрасте, когда всяческие неожиданные покалывания в слабых мужских телесных местах означали только, что человек жив и в нём бродят токами все ещё крепкие признаки жизни, давая о себе знать всё чаще и чаще болезненными симптомами. И всё же Воробьёв остановился, замедленно оглянулся и обнаружил, что прохожий тоже смотрит на него. Но как только под пристальным взглядом незнакомца Воробьёв сделал шаг навстре-

чу, тот резко повернулся и быстро пошёл дорогой, которая вела человека во двор Валерия Александровича, и скрылся за каменным забором. Воробьёв задумчиво смотрел ему вслед, а потом резко сорвался с места, убыстряя шаг в надежде догнать незнакомца и уточнить его имя ... Но с удивлением обнаружил, что прошёл мимо своего двора и резво зашагал дальше по улице, направляясь в другую сторону, куда повела его новая мысль. И чем быстрее он шёл, тем ощутимее внутри него крепло чувство голода, которое он хотел как можно быстрее удовлетворить...

8.

Мусорная война

Нести ведро до мусоропровода и неожиданно высыпать содержимое соседу под двери. Все очистки, внутренности рыбы, шкурки колбасы и бумагу от черновиков.

Но, словно почуяв неладное, сосед откроет дверь и остолбенеет от такого хамства.

– За что? – удивлённо спросит у тебя.

– А тебе разве не хотелось вот так нести мусорное ведро и неожиданно вывалить кому-нибудь из соседей под дверь? Не хотелось?..

– Хотелось! – признаётся он и пугается потаённых мыслей.

– Вот за это и получил то, что тебе хотелось дать другим. Я знал твои подлые мысли, я выследил их у себя за письменным столом. Получай, – и ногой разбрасываю мусор.

Он попадает в квартиру, на стены и ему в лицо. А я бегу прочь...

Я знаю, что он тоже побежал за своим мусорным ведром и сейчас навалит мне кучу под дверь.

Так у нас начнётся мусорная война, в которую мы втянем наших соседей и всю местную общественность, которая не поверит, что я на это способен. А я такой, я всё могу, если выслежу, что там у вас за потайными мыслями.

Как только Воробьёв трижды порывисто нажал за кнопку звонка, давая знать, что мужчина пришёл в дом, дверь распахнулась и на пороге его встретила жена с полным ведром мусора. За долгие годы совместной семейной жизни это была святая и единственная бытовая обязанность Валерия Александровича по дому – вынести мусор. Каждый день жена встречала его с полным ведром, и супруг подхватывал его, унося к мусоропроводу. И Воробьёв безропотно, на автомате протянул руку, чтобы перехватить ведёрко, но жена прошла мимо, бросив на ходу: “Ужин готов”. Где-то глубоко в подсознании Воробьёв фиксировал смену декораций в его жизни, но с не меньшим удивлением обнаруживал, что всё происходящее в момент его возвращения домой было ежедневно знакомым. С кухни пахло любимой гречневой кашей, поджаристыми морковными котлетками, а жена источала приятно обогревающую улыбку, и было ясно – его здесь ждали. И хотя всё в этом доме пугало знакомой незнакомостью, но внутреннее оцепенение Воробьёва скрашивало уютное тепло и бытовая гармоничность этого дома, которая сразу пришлась по душе Валерию Александровичу. Она соответствовала его представлениям о семейной жизни. Он смутно помнил, что ещё вчера всё было по-другому. Хотя он уже и не помнил, как это по-другому. Но уже сегодня дом, в который он пришел после тяжёлой изнурительной работы, раскрыл перед ним тёплые объятия, и Воробьёв всем своим телом, в которое была укутана измождённая от трудов праведных душа, окунулся в новое бытовое пространство, не задавая себе лишних вопросов, не возвращая всходов сомнения, которые ему в данную минуту и не были нужны. Валерий Александрович любовался женой, лицо которой сияло радостью, а не подавлялось тенью повседневных забот. После ужина она не ускользнула от него в свою комнату, а наоборот, прильнула, приласкалась, вольно распуская руки по телу мужа, от чего тот встрепенулся и вместо того, чтобы тащиться к письменному столу, поспешил за женой в спальню, где давно забытые ласки довели его до

приятной неги...

Впервые за последние месяцы Воробьёв вечером ничего не сочинял, он даже забыл о своём желании поставить в романе жирную точку из крупно набранного слова “КОНЕЦ”. Проваливаясь в сновидение, Воробьёв не только уже не помнил, а напрочь забыл, что несколько месяцев подряд сочинял художественное произведение, которое должно было его сделать знаменитым. Да и зачем сочинять, думал во сне Воробьёв, ежели с этого дня вся его жизнь пошла по сценарию, который диктовал прежнему Воробьёву его неутомимый роман? Он стал жить жизнью своего литературного героя или почти той жизнью, потому что даже большим объёмом слов никому не по силам с точностью и достоверностью описать реальную жизнь человека. И утром, получив завтрак в постель, Воробьёв больше не сомневался, что он занял чужое место – место своего лирического героя, которое ему навязывал роман. И он подумал: а кто же занял его, Воробьёва, место, кто был тот, с кем он вчера встретился на тёмной улице города, кто пошёл его натопанной тропкой в его дом, где осталась лежать на письменном столе его рукопись, в которой не была поставлена последняя точка?

9.

Женская логика

– Он не такой как все! – восхищена женщина, растворяясь в полёте мужской фантазии.

– Он? Он – не такой как все... – разочарована всё та же женщина, перебираясь к маме с вещами.

Выспавшись и впервые позавтракав в постели, Воробьёв неспешно пошёл по квартире в надежде найти своё рабочее место – письменный стол и на нём рукопись. Но в этом доме письменного стола не оказалось.

– А где же мой письменный стол? – спросил Воробьёв жену.

– На твоей работе! – улыбнулась жена, принимая его вопросы за игру, к которой её муж был всегда склонен.

– А наши дети где занимаются? – приняв её тон, продолжил расспросы Валерий Александрович.

– А наши мальчики давно закончили институт, удачно женились и уехали работать на Север.

– Мальчики? На Север? А у нас вроде была девочка?

– Девочка у тебя в другом месте, если ты соскучился, то можешь позвонить. Надеюсь, номер не забыл... – впервые за их совместное общение со вчерашнего вечера холодок пробежал по лицу жены.

– Хорошо, позвоню как-нибудь. А ты не знаешь, куда я сунул свою большую рукопись романа?

– Рукопись? Романа? Ты меня удивляешь. Разве ты писал роман? – жена внимательно посмотрела на Воробьёва.

– Да чёрт его знает, мне помнится, что писал, но куда засунул, не могу вспомнить...

– Господи, Николаша, ты письма матери ни разу не написал. Ты на похороны к ней даже не поехал, отделался телеграммой.

– Ты что несёшь? Я же ездил к ней перед смертью, долго жил, похоронил достойно.

– Коля, мне неприятно тебе об этом напоминать, но ездил к ней, долго жил и похоронил её твой старший брат, которому, между прочим, как оказалось, мать ничего в наследство не оставила, всё тебе.

– У меня есть брат?

– А куда ж он денется? На месте. Знаешь, с тех пор как ты бросил пить, с тобой происходит что-то странное, какие-то провалы памяти.

– Я – пить?

– Понимаю, что тебе это неприятно вспоминать, но мне кажется, что уже пора приходиться в себя. Старое зачёркнуто, мы живем с тобой, Коля, новой жизнью. Ты хочешь жить по-новому?

– А почему ты меня постоянно называешь Колей?

– Да потому, что ты – Николай Васильевич Гоголь, и ты всегда гордился этим именем. Я твоя жена Ирина Михайловна. У нас два сына, а у тебя есть ещё дочь. Ты работаешь редактором городской газеты.

– Надо же, я – журналист! – Воробьёв покачал головой. Странное совпадение: он хотел стать писателем, а стал журналистом. Подумал вслух: – Где-то рядом.

– Нет, Коля, ты редактор. Ты уже лет десять ничего не пишешь, ты только раздаёшь задания, определяешь темы и составляешь запятые в безграмотных статьях своих сотрудников. Пунктуацию ты всегда знал назубок.

– А чем занимаешься ты?

– Я воплощение твоей эгоистической мечты – домохозяйка. До сих пор тебя это устраивало и, если быть честной, меня тоже. Писать в твоей газете мерзко-подхалимские статьи мне тоже не очень уже хочется. Ведь над нами снова сложилась власть, широко открытая для панегириков...

– И ты закончила журфак?

– Нет, я закончила философский факультет МГУ, но когда-то неплохо владела пером и вслед за тобой в романтическом порыве приехала в этот город комсомольскихстроек, послушав на одном из вечеров в университете твои стихи.

– Послушала стихи и поехала?

– Не только стихи, попутно ты мне заделал ребенка, а потом уж я поехала к тебе...

– Ну, общая картина ясна, – подвёл итог Воробьёв. Разговор приобретал неприятный характер, разрушая идиллию вчерашнего вечера, когда Воробьёв впервые пришел в этот дом. – Пора и на работу.

– Пора, только не на работу, а на дачу. Шагай за машиной, – уточнила планы жена и протянула ключи от гаража и автомобиля.

Воробьёв машинально взял ключи и вслух подумал:

– Кстати, если мне не изменяет память. Николай Василье-

вич Гоголь – это известный русский писатель, который сошёл с ума, впал в летаргический сон и был заживо похоронен. Я правильно восстановил ход истории литературы?

– К счастью, Николай Васильевич, Вы не повторяете его судьбы! На дачу, хочу загородного воздуха! Шевелись, и побыстрее, – Воробьев услышал в голосе жены знакомые командные нотки, но на этот раз они его не раздражали, а даже нравились.

10.

Ходоки и мудрец

Пришли к мудрецу ходоки и сказали:

– Мы хотим, чтобы ты управлял нами.

– А я уже и так вами управляю, – ответил им мудрец.

– Не поняли, – переглянулись удивлённо ходоки.

– А как вы нашли ко мне путь?

Уже которую неделю Воробьев жил под фамилией Гоголь. Новое положение его смущало, но, к своему удивлению, он обнаружил, что легко справляется с возложенными на него редакторскими обязанностями. Даёт темы сотрудникам для написания статей, точно расставляет запятые и даже, чего, говорят, давно уже не было, существенно правит тексты. Да так правит, что даже самое бестолковое играет новыми гранями. Бездарные сотрудники только чмокали от удовольствия, когда Николай Васильевич проходил по их писанине оригинальной мыслью, обсуждая в курилке, что редактор вновь набирает форму, надеялись, что скоро и сам возьмётся за перо.

И Воробьеву, он же Гоголь, нравилось занятие редактора. Он справлялся с ним легко, даже играючи, всё больше входя во вкус. Вот только весь день не давала покоя, а всё больше по ночам мучила мысль, что там, за дверью его прежней квартиры, где на письменном столе лежит не дописанным им роман? И что делает с этим романом человек, который занял его место? Ведь он догадывался, что место возле его рукописи, его романа занял настоящий Николай Васильевич Гоголь,

человек, судя по описаниям, напоминавшим мифы, крупного творческого дарования. Получив его роман в руки, он ведь может с ним такое сотворить, – эта мысль обрывалась всегда на полпути недосказанности, но при этом радовала и одновременно пугала Воробьёва-Гоголя.

Эта мысль притягивала Воробьёва-Гоголя к дому, где теперь вместо него обитал настоящий Гоголь Николай Васильевич, где каждый вечер, закончив работу в гараже, он мог свободно проводить за рукописью романа, поскольку ему не нужно было больше заниматься газетной подёнщиной, которая высасывала из него последние творческие силы. Воробьёв-Гоголь кружил возле дома, заглядывал в окно комнаты, где стоял письменный стол, а на нём лежала оставленная им рукопись, и завидовал счастью настоящего Гоголя. И на пятый день блуждания он вошёл в подъезд, поднялся на второй этаж и трижды нажал на кнопку звонка. Со знакомой ему медлительностью за дверью прошуршали, долго гремели замками, что-то при этом говорилось в сторону мужа-бездельника, наконец-то дверь открылась с размаху и его старая жена испуганно вскрикнула, увидев незнакомца.

– Чего ж не интересуетесь, кто за дверью? – Воробьёв-Гоголь на удивление обрадовался прежней своей жене, хотя за годы совместной жизни он уже не помнил за собой таких чувств.

– Вам кого? – пристально смотрела на него жена.

– Известное дело, супруга вашего.

– Валерк, а Валерк, тебя клиентура уже дома донимает, – прокричала себе за спину женщина и, не закрывая двери, скрылась в глубокой темноте коридора.

Из комнаты вышел тощий голубоглазый мужик в состоянии лёгкого вчерашнего подпития. Воробьёв-Гоголь сразу узнал в нём того незнакомца, с которым встретился в тот странный вечер перемен.

– Все заказы в гараже, я дома никого не принимаю, – резко начал Гоголь-Воробьев с порога.

– У меня не машина, – перешёл с ходу к делу Воробьёв-Гоголь. – Вы пишете роман?

– А тебе какое дело? – напрягся Гоголь-Воробьёв. – Ты кто такой?

– Вы прекрасно знаете, кто я!

– И что?

– Значит, вы знаете, кто я?

– И чего ты хочешь?

– Сжечь роман!

– Ишь, чего захотел! А ты его писал?

– Ну...

– Скобы гну!

– Вас дома ждёт законная жена.

– Сам живи с этой стервой. Нравится, небось, – и Гоголь-Воробьёв многозначительно подмигнул. – Она поначалу всем нравится. Поживи, поживи, ещё нахлебаешься. А меня эта Ирина Михайловна устраивает.

– Дело не в жене, но роман не ваш... – попытался вернуть разговор к главному Воробьёв-Гоголь.

– Почему же не мой? Он почти весь про меня и обо мне. Я тут его перечитывал долго, вчера взялся за переделку и продолжение.

– Бог с вами, не нужно никакого продолжения. Там нужно поставить только точку.

Последнюю точку.

– Последнюю точку! – передразнил посетителя Гоголь-Воробьёв. – И это ты, не знающий правил правописания, будешь учить меня ставить знаки препинания? Какую точку? Я половину твоей галиматши уже вычеркнул и начал все сочинять наново.

– Как вычеркнули? – оторопел от такого редакторского нахальства Воробьёв-Гоголь.

– Известно как – шариковой ручкой. Мне не привыкать. Да, бред там был написан. Что ж ты с первых страниц мать свою

срамишь?

– Почему вы считаете, что это моя мать?

– Брось прикидываться! А то мы не знаем, откуда берутся лирические герои, которые страдают неполноценными комплексами воспоминаний.

– Драматургия вымысла позволяет создавать тексты, не имеющие ничего общего с реальными фактами жизни автора.

– Эко ты накрутил! Сам-то хоть понимаешь, что и кому сказал? Ты у нас что закончил?

– Мореходку, – честно ответил Воробьёв-Гоголь.

– А я знаешь, где учился?

– В МГУ.

– Ну, тогда чего лезешь советовать.

– Я не советую, я – прошу! Очень вас прошу не губить роман, и верните мне мою рукопись.

– Какой там твой роман! Скажу тебе прямо: первая часть написана хреново, даже очень хреново и переделке не подлезит. А вот вторая сильно, – дал оценку Гоголь-Воробьёв. – Видно руку мастера.

– Именно эту вторую часть и надо сжечь! – с запалом выкрикнул Воробьёв-Гоголь.

– Слушай, тебя не поймёшь: вычеркнул – плохо, а жечь – пожалуйста. Ну, это же плагиатом пахнет. Жечь в русской литературе получил право только один человек, и он это сделал, у нас не спросил. И сколько раз типа тебя после него жгли рукописи, но никто в историю не попал. Так что жги, не жги – всё напрасно.

– Отдайте мне рукопись, очень вас прошу.

– Думал ли ты о самоубийстве? – неожиданно спросил Гоголь-Воробьёв.

– Да, размышлял, и много раз. Но, кажется, только благодаря этому долго сохранял себе жизнь.

– Ну и думай дальше, это тебе поможет жить дальше.

И тут Гоголь-Воробьёв резко захлопнул дверь. Воробьёв-

Гоголь остался стоять на лестничной клетке с мыслями о незавершённом разговоре и не знал, что делать дальше. Он попал в нелепое положение, из которого не было видно выхода. Ломиться в дверь своей прежней квартиры бессмысленно, уходить с пустыми руками он боялся, потому что вряд ли он смог бы вернуться сюда второй раз. Да и судьба рукописи его тревожила: этот непризнанный гений, с неистребимым даром вычеркивать всё неудобное, мог легко на корню загубить литературный труд Воробьёва. В голове стучала одна мысль: верните рукопись, верните рукопись!

Тут дверь шумно распахнулась, и его бывшая жена, размахнувшись, бросила в него исписанные листы, которые веером разметались по подъезду. Дверь сразу же закрыли. Воробьёв-Гоголь метнулся по полу собирать рукопись, весь внутренне дрожа и боясь, что какой-нибудь листочек потеряется. Но при этом он чувствовал всем своим содержанием, как в дверной глазок, который когда-то он хитроумно врезал таким образом, что была видно все пространство подъезда, за ним наблюдает пара любопытных женских глаз.

11.

Обмануть или обмануться?

– Лучше быть обманутым, чем обмануться! – часто наставлял такими словами учитель будущего мудреца.

– Но кем бы хотели оказаться вы? – окрепнув умом, спросил у говорившего наставляемый.

– Поступать нужно по обстоятельствам, но лучше быть обманутым, чем обмануться! – настаивал на своём учитель.

Расхристанный, с лохматой, как кочан капусты, рукописью под мышкой, Воробьёв-Гоголь вышел из подъезда. Он с удивлением и тревожной настороженностью обнаружил, что уже темно. Туго затянувшие небосвод тучи усугубляли мрак, и лишь два чистых крохотных небесных клочка демонстрировали светлые проталины из звезд, а в углу между горизонтом

и тучами вылупилась полнолицая луна, окрашенная красно-красным цветом. У мусоропровода была небрежно свалена стопка книг. Воробьёв-Гоголь в сердцах толкнул её ногой, и она рассыпалась. Среди глянцевых кирпичей типичной масскулатуры обнаружил серые томики Андрея Белого и Михаила Кузмина. Они сиротливо клянчили забрать их из этой компании и унести куда-нибудь подальше от этого отхожего места русской цивилизации. Валерий Александрович наклонился, чтобы поднять книги, но тут рукопись рассыпалась, он нервно пытался её подхватить, но листы не удержались в руках и вывалились в газетно-мусорную грязь. Второй раз перепуганно и судорожно Валерий Александрович начал собирать страницу за страницей, сминая их крепкими, но дрожащими от волнения пальцами. Один листок, подхваченный ночной прохладой, полетел дальше всех, в погоне за ним Воробьёв-Гоголь ушёл от книжного развала у мусорки. Подхватил листок, прижал к груди, чувствуя, как внутри колотится сердце. Теперь он боялся вновь рассыпать рукопись и за книгами классиков не вернулся. Пошёл по родной улице Приморской в сторону своего нового дома, перекатывая в голове расхожую полуфразу:

– Призрак бродит. Призрак бродит. Призрак бродит, – и уже где-то на середине пути знаменитый марксистский тезис логично заполнился в голове Воробьёва-Гоголя новым содержанием: – Призрак бродит по жизни, и этот призрак – литература.

Новый, отредактированный острым умом тезис динамично вводил Воробьёва-Гоголя в новое состояние ритмичности. Повторяя без конца сначала мысленно, а затем вслух эти слова, он бодро шагал мало освещёнными улицами и переулками своего города в точно назначенное судьбой место, куда на днях он завёз письменный стол, приставил к нему стул. И теперь нёс туда свою рукопись, которую намеревался закончить, чтобы поставить запланированную точку. В подъезде столкнулся с соседом, несущим лицо не выпавшего после затяжного

перепоя гражданина Российской Федерации. Вяло поздоровались и стали расходиться. Но тут сосед спохватился:

– Э-э-э, – видимо, не мог вспомнить имя, а попросить денег у безымянного соседа ему ещё сложно. – Слушай, дорогой, ты... в Бога веришь!? – наконец-то он выдавил из себя свою первую главную мысль, от которой Воробьёв-Гоголь запнулся и тщательно оглядел пропитое лицо невнятного человека. Лицо как лицо – скованное синдромом мучительного похмелья.

– Нет, не верю! – выпалил Валерий Александрович.

– Вот и я тоже не верю! – поддержал мысль сосед. – И нас, таких неверующих, в подъезде только двое – ты и я.

– А ты откуда знаешь? – проявил заинтересованность Валерий Александрович.

– Я всех уже опросил, остался только ты! Сомневающихся, правда, много, но все они склоняются больше к тому, что верят в Бога. А ты первый сказал, не задумываясь, – не верю! И баста. Молодец!

– Но о Боге, хоть и не верю, всё-таки думаю, – решил Воробьёв-Гоголь уточнить и расширить свою мысль.

– Я тоже много о нём думаю. И чем больше думаю, тем больше не верю. И теперь нас двое! – настаивал сосед, покидая подъезд.

Потрясённый этим эпизодом Воробьёв-Гоголь поднимался по лестнице, остановился, задумался – не каждый день его встречали таким простым, но все же неординарным вопросом. Странные люди живут в этом доме, где первый встречный спивающийся мужик задает вопросы о боге, и к чему бы это? Но не найдя в тот же миг ответа, Валерий Александрович решил обдумать это позже.

Жена с удивлением наблюдала, как Воробьёв-Гоголь пронёс в дом мятую большую рукопись и смачно шлёпнул ею о столешницу, при этом сказав:

– Вот! Смотри!

– Что это?

– Мой роман!

– А чего так воняет? – насторожилась жена.

– Это не важно. Ты меня убеждала, что я давно ничего не писал. А вот доказательство!

– Что ж, я должна воскликнуть вслед за классиками: новый Гоголь родился!

– Не ёрничай! Теперь, милая моя женушка, не спрячешься, не скроешься, вся гражданская и семейная жизнь наша по литературе ходит, всё будет напечатано, прочитано и оценено...

– Что-то пафоса в словах господина нового Гоголя многовато, – съязвила Ирина Михайловна. – В оригинале, у Федора Михайловича, это было сказано как-то с осуждением: из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают... Редакторский навык ты не потерял, умеешь лишнее отсекасть, тень на плетень наводить...

– Новый Гоголь не может быть тенью старого, – самодовольно сказал Валерий Александрович.

– Ну, теперь я могу только сожалеть, что на дачу мне придётся ездить общественным транспортом.

– Милая, твоя практичность губит душевные порывы моей музыки.

– А роман у тебя хоть о чём, почитать когда дашь?

– Потом, когда будет поставлена последняя точка.

– О, тогда это будет не скоро.

– Смотри фактам в глаза. Вот рукопись...

– От которой сильно почему-то воняет.

– Ну что ты заладила одно и то же. Это запах подлинной русской жизни...

– Она что, у тебя на свалке валялась?

– Кто валялся?

– Да рукопись или жизнь подлинная. Тебе, как новому Гоголю, виднее.

– Ты напрасно иронизируешь в адрес рукописи. Да, воняет, потому что это не роман-штамп, расцвеченный затасканными

словами, не роман-карамелька из системы бытового обслуживания, которыми заполнили страну гладкоперы из бригады “чего изволите?”. Это роман-объявление, роман-проекция, роман-передвижник...

– Эх тебя понесло на манифесты... Тебе, Николай Васильевич, не романы сочинять надо, а перед народом выступать, большой вождь в тебе погибает.

– Все вожди – писатели, все писатели – вожди! И во мне писатель проснулся.

– С добрым утром, Николай Васильевич! Хотя чего тут доброго – на дворе ночь. Значит, спокойной ночи!

12.

Лучшее выходит из тьмы

У мудрого спросили:

– Сможешь ли ты осветить весь наш путь?

– Нет! – скромно оценил свои возможности знающий все наперёд. Но, увидев на лицах спрашивающих разочарование, добавил: – Но светить буду – идите вперёд!

С тех пор мы находимся в пути множество лет, но не можем достичь предела, где сияние первозданной мудрости граничило бы с тьмой неведомого.

И нам кажется, что яркость изначального прокладывает дорогу.

На самом деле, это всё лучшее выходит из тьмы на свет.

Обещающий светить предвидел это.

Мир Валерия Александровича заострился и сузился до белых листов бумаги, за пределами которой с ним больше не происходило ничего важного. Главное нарастало и приумножалось словесным потоком в границах белых квадратов, которые он страница за страницей заполнял каждый день отработанным убористым почерком.

Хотя ежедневно, гладко выбритый, вкусно пахнущий и хорошо одетый, он ходил на службу в редакцию, ставил в ру-

кописях подчинённых недостающие запятые, но как только выдавалась свободная минутка, доставал из портфеля рукопись и вписывал в неё новые события романа. Только в эти минуты, когда время теряло ход движения, он становился сам собой, вымысел правды делал его ожившим лирическим героем, который двигался только по видимому автору коридору бытия небытия. В такие минуты он напевал задушевенную песенку, состоящую всего из одной строчки: “Коль все правы, тогда никто не прав!”

Воробьёв-Гоголь с удивлением обнаружил, что творческая мечта о последней точке снова стала неосуществимой. Всё, что он написал в прежней своей жизни, действительно никуда не годилось, а особенно после того, что Гоголь-Воробьёв оставил себе половину рукописи, значительную часть, образовавшую в рукописи лакуны, которые предстояло восполнить новым текстом. Но, к великой радости Валерия Александровича, новый текст восстанавливался и составлялся легко, в любую свободную минуту он садился и продолжал заполнять образовавшиеся пустоты, возвращая его мир к знакомым очертаниям жизни. Впрочем, время от времени кто-то чужой брал над ним верх и снова появлялись тексты, к которым у Воробьёва-Гоголя не было доверия:

“Он был стар и немощен настолько, что уже никого не осталось рядом, кто ложился бы с ним вместе в постель. Поэтому, когда за окном опускалась темнота, он одиноко добредал после продолжительного затычного, мучительного, бессмысленного дня к койке и, кряхтя, залезал под тёплое мягкое одеяло, замирая в ожидающем оцепенении. Он был стар крайней старостью плоти настолько, что в любой момент ждал: ход его судьбы может неожиданно оборваться на вдохе или выдохе. Поэтому дышал он с большой осторожностью.

Но в кровать его всё же тянуло, он испытывал к ней неподдельный интерес, потому что уже давно в прежде одинокой и холодной постели он каждый раз обнаруживал, что находится не один... Две удивительные персоны окружали его здесь.

Одна была иссохшая и заочевеншая Жизнь, другая – Смерть, юная и тёплая. Жизнь еле теплилась и сама нуждалась в том, чтобы её тщательно укрывали, гладили, баюкали, но старику этого делать давно уже не хотелось. А Смерть была пышной, хорошо пахла и жадно льнула к старику, ласкала его, шепча на ухо нежные слова, которые радовали вялое сердце уставшего от своих лет человека. Старик невольно отодвигался от костистой Жизни, которая не сулила ему ничего хорошего, и прижимался одряхлевшим телом к Смерти, от которой тянуло теплом и уютом. Жизнь вела себя беспардонно, сама старалась потеплее укрыться, стаскивая со старика единственное одеяло, а Смерть раскрывалась, обнажая всю себя, и манила его своими прелестями, казавшимися старику в эти минуты восхитительными.

Но старик всё ещё думал о Жизни. Она провела с ним целое столетие, прошла революции и войны, построила не один дом, посадила много деревьев, которые выросли в большой пышный сад, успевший на его веку засохнуть и погибнуть, и вырастила детей... И в этих трудах так истончилась, так обезобразилась и обезлюдела родными лицами, что надоела, и старику хотелось, чтобы быстрее исчезла навсегда. Исчезла в любую из его бессонных ночей, а он остался бы наедине со Смертью, которая верно ласкала его, трогала усохшее тело, подтверждая, что ещё не всё потеряно и можно продолжать своё существование, уходя глубоко в себя, так далеко, куда уже никто, кроме него самого, дойти не сможет.

Но как бы ни была во сне привлекательна Смерть, уже готовый крепко обнять её старик всё же в последнюю минуту ночного отдыха поворачивал свое пропахшее мертвечиной лицо в сторону постылой Жизни. Той Жизни, которая, несмотря на свою опустошённость и запущенность, освещалась окном, откуда проникали первые лучи утреннего солнца, пробежавшие по морщинистому лицу старика ещё одним новым оттаявшим днём надежды.

И снова у окна старик Фицджеральд смотрит во двор на

проходящих мимо людей. Прохожие каждый день видят старика в окне и радуются: “Вот опять старик смотрит на нас!” Радует и старик им в ответ: “Вот опять меня видят, а пока меня видят, значит, я существую” – оправдывает он свое затнувшееся существование на земле. И он безотрывно стоит у окна, глядя на протекающую мимо него активную чужую жизнь, и демонстрирует малые возможности своей. И жизнь за окном не заканчивается, и старик все живёт и живёт. “Жизнь видишь лучше всего, когда наблюдаешь её из единственного окна”, – и сегодня повторяет про себя самую важную мысль старик Фицджеральд”.

Но ничего вычёркивать и уничтожать Воробьёв-Гоголь больше не стал. Вперед, к заветной точке! Каждый день его гнала мысль, что Гоголь-Воробьёв тоже пишет этот же роман и может выполнить задачу раньше него. Поэтому появление странных героев больше не смущало Валерия Александровича. Теперь он полностью отдался стихии вольного письма, не ставя под сомнение появление чуждых ему людей, картин, природы, и даже радовался, что роман набирает обороты быстрее, чем это было раньше, словно его пишут сразу в две руки, в два пера, в две души. При этом он всегда пытался угадать, о чём пишет Гоголь-Воробьёв, куда его ведет их общий роман? Мысли эти были бесполезными, потому что угадать, о чём думает в эту минуту другой, малознакомый тебе человек, которого волею тайной судьбы поменяли с тобой местами, бессмысленно. Но одно всё же тревожило Валерия Александровича: а не пишут ли они одно и то же, ведь, как он теперь понимал, ими руководит, ими управляет один и тот же роман, у которого были какие-то потаённые запасы исторической воли, способной руководить и управлять каждым пишущим. Зная за романом эту силу, Воробьёв-Гоголь понимал, что тот позволит поставить Гоголю-Воробьёву точку раньше, чем она созреет в голове подлинного автора. И всё-таки Воробьёв-Гоголь надеялся, что в его рукописи он главный, он будет ставить последнюю точку там, где решит его душа, а

не по команде романа. Он возвращался с работы, навязчиво думая о последней точке, внутренне понимая главную мысль романа: литература не поддается окончанию, никакой роман не имеет последней точки, а лишь многоточия, за которыми следует новое коммерческое предложение Бога или Дьявола. Это кому как угодно.

Воробьев-Гоголь близко подошёл к своему дому. И тут ему навстречу из подворотни выскользнул лохматый, дурно пахнувший человек. В руках он нёс авоську, полную пустых бутылок. Гремя бутылками и шатаясь, бомжеватый мужик поскользнулся и толкнул в грудь Воробьева-Гоголя, да так больно, что у Валерия Александровича потемнело в глазах. Валерий Александрович замер от неожиданности, потом ухватился за ствол дерева. Простояв так неопределённое время, он огляделся по сторонам. Бомжа уже и след простыл, в небе светили звёзды, а в руках Воробьев-Гоголь обнаружил авоську с пустыми бутылками. Он рассматривал её, не понимая, откуда она взялась, потому что всегда он носил портфель, а в ней рукопись. Но ни портфеля, ни рукописи теперь у него не было. Впрочем, такой неожиданной перемене Воробьев-Гоголь не опечалился. Он медленно побрёл с авоськой по сырой тропинке. Она привела его в подвальное помещение, где прокисшая грязь человеческого жилища была знакомой и понятной. Из освещённого костерком угла выползла тень человека, которая спросила осипшим голосом, принёс ли он пузырь. Воробьев-Гоголь громыхнул пустыми бутылками, давая сигнал, что надеяться не на что, и тень вернулась к огню. Воробьев-Гоголь подсел рядом, протянул руки для обогрева. Он видел, как сосед подкидывал в печурку исписанные листы бумаги. При слабом освещении Воробьев-Гоголь увидел свой почерк на них и догадался, что на этот раз он угодил в другой, неизвестный ему роман, со знакомой каждому русской фабулой, только автором на этот раз уже был не Воробьев-Гоголь, а кто-то третий. Валерий Александрович посмотрел на подкидывающего в огонь листы его рукописи человека, на-

пряжённо пытаюсь восстановить в памяти его имя, но не смог.

– Тебя как зовут? – спросил он человека.

– Фицджеральд! – пробурчал тот.

– Надо же! – удивился Воробьёв. – И давно ты здесь?

– Всегда!

– А я здесь давно?

– И ты здесь всегда!

– А других здесь нет?

– Ждём!

– А кто придёт-то?

– Придут мужики – будем с выпивкой, придут бабы – будем с едой!

– Понятно! И долго нам быть здесь?

– До самой смертушки!

– До самой смертушки!? – вяло переспросил Валерий Александрович, припоминая, что это он уже где-то слышал или, может быть, читал. Но где именно и когда, не вспомнил, да и не хотел, переключая мысль на ожидание еды и возможную выпивку, которую ждал Фицджеральд, а теперь вслед за ним и Воробьёв-Гоголь. Впрочем, Валерий Александрович усомнился, а так ли его зовут, и имеет ли теперь значение в этой другой жизни его прошлое имя, отчество и фамилия?..

РУССКАЯ СКАЗКА

Прибежала соседка, закричала:

– Идите, смотрите – ваш отец опять летает по небу, распугивая птиц!

Мама заплакала, запричитала:

– Господи, за что нам такое наказание? Лучшие бы он напился и валялся в канаве, как все люди. И зачем показывать, что у тебя есть крылья?

Соседка удивлённо посмотрела на маму:

– И чего так убиваешься? Налетается мужик досыта, так хоть домой вернётся чистым!

- Да когда он добровольно возвращался? – негодовала мама. – Мне же за ним и лететь! А сколько ещё дел в доме!
- А можно мне? – спросил я у мамы.
- Смотрите, и этот туда же, – всплеснула руками мама, доставая из темного чулана пыльные крылья.

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ «Я»

(читая Владимира Монахова)

*«Это вообще проблема – рассказать о человеке»
«Большинство людей плохо ориентируется внутри себя»
Владимир Монахов*

Читаю Монахова. Так уж повелось, что центральный персонаж рассказа принято называть героем. Ну нет! Какой у Монахова «герой»?! Обычный работяга (такие приставки, как супер-, топ-, сэйлз-, столичный-, не применимы вовсе, снисходительно-утешительное «из глубинки», московское уничижительное «с периферии» – да). Тогда, может быть, «маленький человек»? Не такой уж он и маленький. Высокий, крупный, широкоплечий сибиряк, борода – лопатой, молчун, не трепло, даром что Самохвалов. Настоящий русский мужик! ЧЕЛОВЕК, если вспомнить, что первоначально этим словом назывался Мужчина.

Раньше здесь правила и царила жена, а он даже мусорного ведра не выносил. Их последний спор после десятилетия совместной жизни об этом накопившемся мусоре закончился неожиданным примирением. Тогда Самохвалов многозначительно, с нажимной силой сказал:

– Мужчина ничего из дому выносить не должен – только приносить. Понимаешь ты это или нет?! Все только в дом приносить! А не выносить! Заруби себе это на носу!

(ОДИНОКИЙ ДОМ ОДИНОКОГО МУЖЧИНЫ)

ЧЕЛОВЕК Монахова прожил больше половины отпущенной ему жизни. Нет, он не стар, он, что называется, человек зрелый. В большом пустом доме одинокий хозяин после смерти жены... Дети выросли и разъехались, а приходящие женщины так и не смогли прижиться, «ощущая всю неприязнь чужого жилища». Впрочем, ЧЕЛОВЕК никогда и не старался их надолго удержать...

Чем же он живет, как уживается с самим собой и своим одиночеством? Если правда, что «счастье – это гармония», то как же удастся монаховскому ЧЕЛОВЕКУ заполнить гармонией вакуум опустевшего дома, не сойти с ума, не озлобиться и не наложить на себя руки, не потерять свое «я»?

Последнее, что ему запомнилось из утреннего сновидения, так это дом, в котором была еще жива жена, и этот дом, мало похожий на их прежний, у него на глазах провалился глубоко под землю. Он видел отчетливо, как вокруг места трагедии собрались спасатели, но его не пускали к провалу. А он спокойно смотрел на все это и говорил, что это его дом, он его строил, это его имущество, и там осталась жена. К нему подвели врачей, но, увидев, что Самохвалов ведет себя адекватно, они не знали, что с ним делать. Потом во сне появились дети, и теперь вместе с ними Самохвалов стал искать жену в гостинице, куда переселили всех пострадавших. Они знали, что где-то в комнате на пятом этаже поселили их маму. И дети вместе с отцом шли по ступенькам и лестничным маршам, но все время куда-то попадали не туда, и так всю ночь проискали, но не встретились с мамой. Дети спрашивали: «А ты точно знаешь, что она здесь?» Самохвалов уверял, что точно знает, что видел ее в окне, она махала ему рукой. Но попасть к ней в номер они так и не смогли.

(ОДИНОКИЙ ДОМ ОДИНОКОГО МУЖЧИНЫ)

Перипетии непрерывной борьбы с внешним миром за существование и есть жизнь человека, движущей силой этой борьбы за самореализацию каждый из нас называет свое «я». То, что обычно называется «человеком» состоит из множества компонентов, из которых составляется это собственное «я». «Я» не подпадает под традиционные понятия «материального» и «духовного», для нас имеет значение только то, в чем мы можем убедиться сами, что для нас является достоверным и очевидным. Наше «я» – это непреходящее ощущение «необходимости быть» в более или менее отдаленной временной перспективе. «Я» – это проект существования. Как бы ни были серьезны причины, которые заставляют человека противиться своему «я», неизбежным результатом становится чувство внутренней разорванности, превращающее жизнь человека в пытку, постоянное самоистязание. Счастье, реализуемое в гармонии, достижимо через упорядочивание множества компонентов, маленьких «я», ощущавшихся поминутно в прошлом, а в случае овдовевшего немолодого мужчины – через бережное восстановление и сохранение прежнего «я», неразделимого с «я» утраченной половины.

ЧЕЛОВЕК Монахова нередко заблуждается, находясь в убеждении, что его «я» способно подчиняться осмысленным проявлениям воли. Необходимость восстановления status quo своего «я» заставляет **ЧЕЛОВЕКА** вступать в непрекращающиеся ночные споры с Богом.

Это не переложение ответственности за случившееся на Всевышнего, это попытка собрать свои многочисленные рассыпавшиеся «я», отразившиеся от эталонного зеркала в одно целое, гармоничное «Я». Это стремление сопоставить свои действия, придирчиво оценивая действия того двойника, по образу и подобию которого, как тебя уверяли, ты создан, оценить роль последнего в твоей собственной судьбе. Нет, **ЧЕЛОВЕК** Монахова не достает «из-за голенища сапожный ножик» и не угрожает «пропахшему ладаном» «раскроить отсюда да

Аляски». Но, увы, диалога никогда не получается, это всегда монолог, уходящий в «запись-НОЧЬ-нушки», скорбные ереси одинокого мужчины...

Почему «ереси»? ЧЕЛОВЕК Монахова рожден во времена активной борьбы с «опиумом для народа». И сам автор, и его протеже, возможно, воскликнули бы: не верю и отрицаю! Но вот ведь какая интересная вещь: «странные люди живут в этом доме» и в стране в целом. Здесь «первый встречный спивающийся мужик задает вопросы о боге, и к чему бы это?» «Сомневающимся, правда, много, но все они склоняются больше к тому, что верят в Бога». Вот и ЧЕЛОВЕК признается себе: «Но о Боге, хоть и не верю, всё-таки думаю». Ответы на какие вопросы он ищет и находит?

– О, Господи, как остро чувствуешь жизнь в первые минуты смерти!

– Понимаю, – посочувствовал Бог и, взяв меня за руку, повёл за собой. – Вживайся!

(ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА ВЕЧНОСТИ)

– Какое у вас твердокаменное небо, как вы здесь живёте?

– Вот так и живём. Если бы не потолок, то, лёжа на диване, никогда бы не узнали, в чём смысл жизни...

(ОТКРЫТИЕ ПТИЦЫ)

... сконцентрироваться только на точке, за которой начиналось Ничто. То самое Ничто, где даже Бог не может прижиться под пристальными взглядами тех, кто боится заглянуть за точку.

(ВОСПОМИНАНИЯ БОГА)

В рассказе, из которого приведена последняя цитата, автор неожиданно для себя (и для читателя) находит главный ответ на все поставленные (и не поставленные) вопросы: «Только по пути к нему* можно убедиться, что Бог есть», Бог ни к

кому не приходит, бесполезно задавать ему* пустые вопросы много раз на дню и сетовать при этом, что нельзя «записаться к Богу на прием», не добившись простых ответов на сложные вопросы.

Ну хорошо, почему же все-таки «ереси»? Потому что ежедневно, еженощно ЧЕЛОВЕК Монахова вынужден считаться с присутствием в себе не только Бога, но и Дьявола. Вернее, не исключать того прискорбного обстоятельства, что нередко в человеке способны уживаться обе эти силы, что велик соблазн, не получив ответов у Бога, найти их у Дьявола: «интереснее всего говорить не с Богом – он наше все, – а с Дьяволом: он всё наше Ничто». Но, поддавшись однажды искушению Дьявола, ЧЕЛОВЕК фатально выбирает путь только к разрушению, рассыпая в прах свои многочисленные «я» из которых он тщетно пытался восстановить общее и целое...

Проявление «я» схоже с проявлением воли тем, что всегда носит императивный характер. «Я» управляет нами, порабощает нашу волю, хотя последняя ценой невероятных усилий пытается послушаться приказа. «Я» требует безоговорочного подчинения, не давая объяснений и не опускаясь до оправданий. За каким из наших «я» прячется Дьявол, а за каким – Бог?

Жизнь принадлежит тому, кто ее проживает, а не тому, кто наблюдает за ней со стороны. «Я» всегда принадлежит настоящему. В языке нет другого слова, которое бы с большей силой выражало сиюминутность. То, что еще секунду назад было нашим «я», в настоящий момент уже иное, а старое «я» – это невнятное эхо слабо резонирующее в настоящем. Эта черта «я» и объясняет непрерывность памяти. Для человека эти множественные составляющие одного, общего, суммарного «Я» означают Жизнь. И вечность? Но Вечность – это Бог. То есть всякое наше «Я» это томограмма Бога? А может быть, Дьявола?

Один человек во мне по утрам идет в сферу материального производства – его одобряют государство,

жена и дети. Другой человек во мне вечером возвращается домой – его ждут дети, жена и терпит государство. Третий человек во мне ложится смотреть сновидения – его осуждают все за эгоизм. Четвёртый человек во мне всё это знает, но ценит сновидения больше, чем жену, детей и особенно государство. Но никак не решается вывесить над кроватью плакат: «Да здравствует 1-ая годовщина вечности!» Для этого нужен пятый человек, но он не успевает родиться из-за частых моих пробуждений.

(ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА ВЕЧНОСТИ)

«Я» неизменно проецирует себя в будущее, стремясь к тому, чего еще нет. Будущее – это океан возможностей, но оно соткано из неопределенностей, следовательно, и с задачей самоидентификации «Я» с одним из эталонов – Богом или Дьяволом.

Человеческая жизнь – амбивалентная субстанция «счастье-несчастье». Если устремленное в будущее «Я» беспрепятственно реализуется, то это состояние «я» можно назвать «счастьем», если же не реализуется, то – «несчастьем». «Бедный» ли «Йорик» Монахова?

Ответ на этот вопрос у писателя связан с «нахождением последней точки», то есть успешной самоидентификации, самодетерминации лирического героя. Именно эта упорная идея руководит Валерием Александровичем Воробьевым, «прописанным» в одном из самых интересных циклов новелл Владимира Монахова под названием «ЛЖИЗНЬ», связанных автором придуманным им жанром плагиАРТа. Поиск «последней точки» – это и есть самоидентификация. Воробьев совершает этот важный для него (и автора) поиск на страницах творимого романа. Неотступно, шаг за шагом, продвигается Воробьев к заветной цели для того, чтобы прийти к неожиданному открытию: «...литература не поддается окончанию, никакой роман не имеет последней точки, а лишь многоточия, за ко-

торыми следует новое коммерческое предложение Бога или Дьявола. Это кому как угодно».

«Поиск последней точки», на самом деле, является поиском собственного «Я».

ЧЕЛОВЕК Монахова переживает множественные метаморфозы: из Воробьева превращается в Воробьева-Гоголя, а из последнего – в старика с «говорящей», многозначительной «писательской» фамилией Фицджеральд. Грани между этими множественными «я» не существует, так же, как и не существует разделения героя и автора, хотя между ними и идет непрерывная, непрекращающаяся борьба за право поставить «последнюю точку».

«Бог-Творец» превратился в «Бога-Дизайнера», замечает Монахов в одной из своих прозаических миниатюр. Что ж, это и объясняет стремление ЧЕЛОВЕКА Монахова обрести собственную мастерскую, создать из этого «ветхого старого мира» не приятный для глаза «новодел», а мир достойный обобщенному «Я» автора.

Не стать еще одним «нечеловеком-видимкой».

Сергей Слепухин, Екатеринбург

Владимир ЭКСПРЕСС

А Бог, что танцует по звёздам,
Расхристан и полунаг,
И весь по капелькам роздан,
Ко мне не сделает шаг.
Вы правы – крепись, Пенелопа.
Что толку – коня на скаку?
Для вида ладошками хлопать,
С дырочкой в левом боку.
И, медленно остывая,
От боли и от острот
Продолжить от ада до рая
По лунной дорожке фокстрот.

Ссора

Слон невиновен, неуклюж и всё такое прочее,
Он вовсе не хозяин туч – гора чернорабочая.
Метали молнии с плеча прицельно как в антенну,
А была шкура у него совсем обыкновенна.
Бронь черепахи – для других, внутри сплошная мякоть.
И время не текло ручьём, слезами стало плакать.
Мир размолотся в камнепад, источен и архивен.
Здесь слово – ложь, она – права, так ведь и слон невинен.

Улыбка Моны Лизы

Тасует время города, вокзалы, лица.
 Рукой до Божьего Суда – разок побриться.
 Медалью выдох в полутьме: «О, Леонардо!»
 И не беда, что при Дворе – игральной картой
 Среди блевоты и вранья, про хлеб насущный,
 Когда черно от воронья и беды кучно
 Ложатся там, где я мишень. И нет отгадки.
 Ищу, свистя Битлов «Мишель» вдоль «ленинградки».

На лезвии взгляда

Он не писал стихов – она пила не водку,
 И прочих разночтений у них было полно,
 Но выдохом одним вцепились Смерти в глотку,
 И был красив полёт в замедленном кино.
 И зашатался мир, и распахнулись стены,
 На линии судьбы родился бугорок.
 Неистовым дождём вскрывало небо вены
 И громовые ноты бросало за порог.
 А жизнь как скорый поезд была без остановок,
 Вопросы не стояло принять коктейль цикут.
 Но воздуха всё нет, и каждый жест неловок.
 ...а и прошло всего-то лишь несколько секунд.

В День рождения подруги поздравление просила
 Про здоровье и удачу, про подарки и цветы.
 Сочинил ты чушь собачью:
 «Синеву из моря пила,
 И глаза как небо ярки продолжением весны».
 Там порядочные люди лоб салфеткой вытирают
 И желают в доме счастье, исполнение мечты.
 Ты же словно хрен на блюде:
 «Дама Ночь пиковой масти

И в фрейлины выбирает при наличии метлы».
Ох, ты горюшко родное, ну когда же повзрослеешь,
Будь солиднее, умнее, не чинариком, а Чин.
Не стреляйте в пианиста – он играет как умеет,
Иногда вот только водку пьёт без видимых причин.

О любви

1.

Небо обняв руками, прыгали с парашютом,
Что нам любовь дарила бездна сомнений – прочь.
Но просыпаюсь утром, контрабандистом будто,
Через границу яви вновь зарываюсь в ночь.
Не наступило время нам прорасти друг в друге,
Стрелки очертят кругом и не замедлят ход.
Только во сне и вижу, как на зелёном луге
Мы приземлились вместе, чтобы встречать восход.

2.

Вот в спектакле антракт, время делает паузу.
Пусть в буфете усладу обрёл прочий люд.
А два сердца не в такт призывают всё к разуму,
Но звучит «я люблю, я люблю, я люблю»!

Ковид

приоткрыли дверцу,
но сказали: «Рано».
зайчиком из детства –
солнышко на раму.
вкусом в кипеж бунта
мокрый кислород.
выпиваю будто
этот кислый год.
на живот, неловко,
с бочка на бочок.
затаился в лёгких
серенький волчок.

Елена ПОПОВА

* * *

Я сижу в своей каморке,
 как моллюск сидит в ракушке.
 Жизнь проходит под копирку,
 поисписана давно.
 Дни стандартны, однотипны.
 Раньше были турбулентны.
 Нет ни взлётов, ни падений,
 да и жизни, может, нет?..
 Я сижу в своей каморке.
 А куда, зачем соваться?
 И Гораций до оваций
 был не очень-то охоч.
 Обо мне никто не спросит,
 про меня пока не знают...
 А каморку, как скорлупку,
 время к вечности несёт.

* * *

Не думаю, что эта тема из нас двоих кого-то заводит:
 не хочешь встречаться – пожалуйста, не встречайся.
 Хорошо иметь маленький ликёро-водочный заводик.
 Если на кого-то обиделся – пей приторную настойку
 и не парься.
 Мы больше двух месяцев общаемся вне реала.
 Живём не просто в одном городе – в одном квадрате.
 А надо ли встретиться? Таких встреч было уже навалом.
 Не очень-то и стремлюсь, и ты боишься бабло
 на меня потратить.
 Современная жизнь – минимум телодвижений,
 максимум удовольствия.
 Не являемся исключением из не нами придуманных правил.

Зарекалась наступать на одни и те же грабли больше я,
но зачем-то поднимаю трубку, слушаю,

как твой голос картавит.

В прошлом веке, может, пригласил бы меня на танцы,
а в наступившем всяк по-своему с ума сходит.

Мы не можем совпасть ни во времени, ни в пространстве.

Гораздо реалистичней и прибыльней

ликёро-водочный заводик.

* * *

Глупо

в сказки по-детски верить.

Разве сбываются небылицы?..

Не повторится

прошрое.

Глухо

голос твой звучал в комнате,

светом наполненной

солнечным.

Ты – редактор долгой повести,

написанной вскорости

после нашей встречи...

В губы

меня целовал, был ласковым,

платье неловко стаскивал

на молнии.

Гулко

двери подъезда стукали...

Сутками

ждала твоего прихода.

После каждой главы

следовало продолжение.

Ты был моим зеркалом,

я стала твоим отражением.

Но повесть прочитана,
и рассчитывать
больше не на что...

* * *

Пора бы поставить точку. Любовь среди наук неточных,
пожалуй, занята очень. Она нашей жизни суть.
Прохладно. А звёзды ночью прилеплены к небу скотчем.
Куда же пойти? А впрочем, пойду хоть куда-нибудь.
Я выберу путь короче, он с детства мне напорочен.
Предстану под ясны очи Владыки людских судеб.
Взирает бесстрастно Отче... Мир, созданный им, непрочен
и нами же раскурочен. Найти бы спасенье где...
Хранить ли былого ключья? А ветер в лицо хохочет,
узнав меня среди прочих таких же несчастных баб.
Сдаётся душа – бессрочно. Плывёт под ногами почва.
И хлещет с труб водосточных вода. С неба брошен трап.

* * *

Так всё со мной и было...
Ты в семье. Накормлен, обстиран.
Долго в подушку выла,
ждала тебя по весне,
а потом с миром
на все четыре стороны отпустила.
Незаменимых нет.
Шило сменив на мыло,
называю другого милым,
а твоё имя шепчу во сне.
И откуда взялась сила?
Ни о чём не спросила, не попросила.
Мы расстались, как только сошёл снег.
И всё же на душе паршиво.
Ты по-прежнему всё успеваешь,
как многорукий Шива,

изредка даже звонишь мне.
Да хоть раз о главном скажи, а?!
По-прежнему оправдываешься лживо.
Мне теперь хоть бы хны.
Покрашусь. Буду в хне.

* * *

Слёзы высохли, реки иссохли,
В них никак не войти дважды. Ступор.
Пережёвывать старые сопли
По полгода, как минимум, глупо.
Струйкой сыплется время, песок ли...
Я почти успокоилась вроде.
Ты со мной был не слишком жесток ли?..
Позабыли. И это проходит.

* * *

Пишем друг другу всё реже мы.
Плохи дела, не исправлю.
Слова не произносим, а сцеживаем,
словно молоко через марлю.
В нём не хватает жирности,
только сухие факты.
А тебе итак хорошо, с любой другой живностью.
От меня сделал первый шаг ты...

* * *

Человек, проживающий за сотни километров
от меня, ветром каким тебя занесло попутным?
«С добрым утром!» – писал sms-ки,
расставание было трудным,
казалось невозможным, в него не верилось долго.
Колкими фразами вернул меня к реалиям быта.
Тема эта избита многими,

страдающими психическим заболеванием: графоманией.
Заранее никто не знает, что на роду написано.
Я люблю тебя. До сумасшествия, неистово.
Собиралась долго с мыслями...
Розами и шипами ты путь от меня к себе выстелил.
Нам нестись бы навстречу друг другу,
да с места не тронемся.
Дело рук самих тонущих – спасение утопающих.
Человек в другом городе, меня постепенно забывающий,
рассветы и закаты встречающий,
я в отчаянии! Иногда перечитываю твои послания заново...
Рано что-то изменить в своей судьбе,
рана там.

* * *

Сердце отпускать тебя не хочет, кровоточит,
не смирившись с потерей, кажущейся непоправимой.
Ты спрашиваешь, люблю ли тебя? Очень.
Но так хочется быть не только любящей, но и любимой.
В герцах не измерить амплитуду
настроения – от минуса и не до плюса – до хаоса.
Эмоции зашкаливают, хоть перебей посуду!
Или на край света за тобой беги, без спеси и пафоса.
Берцы широкорельефные натянув,
где угодно тебя найду, полмира пройду пешочком.
Всякое между нами было. Старое помянув,
будущее не увидим, увязнув в минувшем прочно.
Герцен, несомненно, был когда-то прав,
вопросив «Кто виноват?». Пожмешь плечами: «Я не против
этой избитой фразы». Не боюсь ни осуждений, ни расправ.
Для тебя это мелочь, считаешь меня не лучше прочих.

* * *

Возомнила себя великим писателем
(чтобы быть гением, нужно играть в гения и заиграться).
Строчу потихоньку, до тихого помешательства.
Пока в черновик, и совсем не жду бурных оваций.
Поэзия при такой житухе подобна кругу спасительному.
Спасательному?! Вам хоть к чему придраться бы!..
Смотреть по телевизору современные передачи отупительно.
С экранов к нам идёт всеобщая дебилизация.
А время летит, Земля вращается со скоростью бешеной...
Города и улицы меняют первоначальные названия.
А у меня всё стабильно: лучше быть на стихах помешанной,
чем не отличающимся от других деградировавшим созданием.

Галина ГНЕЧУТСКАЯ

Личные записки школьного библиотекаря

Главы из мемуарного романа

*Ты будешь работать в
лучшем школьном классе
и выдавать детям радость – хорошие книги!
Из письма*

Предисловие Советская школьная библиотека

Не могу умолчать о значительной части своей жизни – о сорокалетней работе в школе в должности «маленькой хозяйки большого дома» – советской и несоветской школьной библиотеки.

«Советские детские библиотеки – это опорные базы коммунистической партии в деле воспитания подрастающего поколения». Эта доктрина легла в основу всей работы детских и школьных библиотек в 60-80-е годы XX века. И чтобы не «загреметь» с работы, мне пришлось соответствовать и втискивать себя в рамки данного тезиса разными способами, соответствующими и не очень. Но всё по порядку.

«Начерти на карте план, и шагай и пой беспечно: тири-тири-там-там-тира...»

Так пела Алиса из «Страны чудес» песню Владимира Высоцкого. Главное – это план! Отчёт – тоже важен, но план важнее! План по 17-ти направлениям! Цели – смотри выше, задачи – их продолжение. Направления: от идейно-политического, идейно-патриотического и идейно-нравственного к приобщению к чтению через научно-познавательное, этическое, эсте-

тическое, атеистическое, краеведческое и библиографическое направления и далее к работе с «трудными» детьми, а также дела хозяйственные. Здесь всего одиннадцать направлений, а где ещё шесть? Не помню. Возможно, дела хозяйственные делились на перестановку фонда, его оформление, ремонт книг и работу с активом библиотеки... Далее следовали формы работы: индивидуальная, но самое основное – массовая работа! А воспитание культуры чтения!..

Но, кроме перечисленного, все годы шла работа с учебниками. О! Это такая эпопея, что ей можно посвятить отдельную книгу, да не стоит: для меня это был адский труд, никем неценный, доводивший до отчаянья, а порой и до мании преследования. Я уж не говорю о деньгах за такой труд. Их то платили по минимуму, то их вообще отменяла администрация школы.

Поначалу создавать фонд учебников было необязательно, только я одна из немногих и тут была впереди планеты всей: собирала бывшие в употреблении и выдавала прозевавшим продажу или экономившим копейки. Всё! Выдохнула! Собрала все семнадцать направлений работы школьной библиотеки!

Это преамбула, чтобы стало слегка понятно, как я «прекрасно» жила в лучшем школьном классе. Среди года следовал устный отчёт перед администрацией о проделываемой работе, а в конце года – письменный. Я любила работать, но отчитываться не любила. Ощущая на своих плечах огромный объём запланированной работы (планировать меньше просто исключалось), я изо всех сил старалась выполнить его и постоянно страдала, что мне что-то не удалось. Может, поэтому и не любила отчитываться...

1. Что я умела, а чего нет

А умела я не так уж много. Выразительно читать прозу и стихи наизусть – умела! Любила изобразительное искусство

и умела что-то рассказать о нём. Относительно знала классическую литературу, а также и современную, и детскую. Запоминала авторов и названия книг, а кроме того, фамилии читателей.

Умела увлекательно рассказать о прочитанном. Да, я любила книги! До сих пор мне не надоело их перебирать, сортировать, расставлять, снимать с полок, открывать, перелистывать, рассматривать и читать! А ещё я умела присматриваться к детям-читателям, чувствовать их и, действительно, «дарить» для чтения хорошие книги, их не навязывая. Не ручаюсь, что мои рекомендации были безошибочны и дети всё прочитывали до конца. Есть книги замечательные, но они могут оказаться сложными для ребёнка: не по возрасту, не по уровню развития, до них надо ещё дорасти.

Как бы ни старался библиотекарь, всего он о читателе знать не может. Со временем я безошибочно определяла, читал или не читал; или читал, но не дочитал. Кому-то технически трудно читать, а кому-то непонятно прочитанное.

Теперь о том, чего я не умела. Я не умела строить отношения с начальством, а начальников в 80-е годы было немало (по моим подсчётам, восемь). Затруднялась с необщительными детьми (теперь их называют аутистами). Это их беда, и таким детям надо помогать. Затруднялась с так называемыми трудными. Тихих и слабых я защищала.

Поначалу я не умела оформлять фонд и сделать уютной библиотеку, не видела различия между пустой полкой и заполненной книгами. Не умела составлять акты и считать на счётах. А суммарный учёт фонда! Как ни старалась, аккуратно вести не получалось, постоянно вносила исправления. Когда же были введены понижающие десятичные коэффициенты, я на них не умножала, а почему-то делила, думая, что уменьшаю сумму, не подозревая, что она возрастала, но я старательно передвигала запятую влево, полагая, что всё в порядке.

Я оказалась в библиотеке, где было много книг и много активных хороших читателей. Все они спрашивали какую-то очередь на книги, а я терпеть не могла очередей. Не сразу по-

няла, что здесь существует запись на хорошие книги, и многие записывались не на одну, а на все интересные. Пыталась оповещать, дети не приходили, а мне было жаль хороших мальчиков и девочек, спрашивающих эти книги, и я выдавала им всё по запросу, то есть без очереди. Потом являлись «очередники»... Тогда я отменила эту ужасную толстую тетрадь! Следовало посадить отдельного человека, чтобы исполнять все заказы активных читателей. Некоторым просто нравился дефицит: они брали пример с родителей.

1. Доверенность

Во всех школах существовало правило: библиотека открывалась в 10 утра. Но было необходимо ходить на почту за письмами, газетами и журналами хотя бы два раза в неделю. Но сначала раз в год, а потом и дважды, надо было делать подписку на периодическую печать. Для школы выписывались 10 газет и 10 методических журналов, 10 журналов для школьников и учителей. Но это не всё. Библиотекарям вменялась в обязанность ещё и индивидуальная подписка для учителей.

Сверху требовали, чтобы учителями выполнялся план по подписке, и опять требовали этого исполнения с меня. Я вела агитацию, оглашала шуточные сводки: кто и на какую сумму подписался, иногда преувеличивая, рассчитывая на чувство юмора. Но зря, не всем нравились мои шутки. Так выявлялись характеры моих «коллег». Коллегами мы были относительно. Я всегда сочувствовала учителям, уважая их титанический труд, они же ценили только мою эрудицию и расторопность. А поначалу я не имела ни того, ни другого.

Один забавный эпизод сохранился в моей памяти, хотя тогда мне было не до смеха.

В тот день, находясь на работе, я ждала визита подруги Ларисы Авдеенко. Лариса жила в центральной части города, но устроиться на работу поблизости не могла. Ей нашли место на Падунской промплощадке – на ремонтно-механическом

заводе РМЗ. Подруга нуждалась в моей поддержке и попросила сопроводить её на завод. Мне было не просто дать согласие, но у меня, что называется, характер слабый (не могу отказать), да и хотелось пообщаться с подружкой. Но именно в тот день зашла в библиотеку недавно испечённая завуч Анна Михайловна (крупная кудрявая дама «на возрасте») и потребовала срочно ехать в город за доверенностью на получение книг.

Поездку в город я решила совместить с Ларисой. Итак, я ждала подругу, она задерживалась. Нетерпеливая завуч снова заглянула в библиотеку и, увидя, что я всё ещё на месте, решила на мне испытать повышенный начальственный тон:

– Как, Вы ещё здесь!? Я кому сказала! Немедленно за доверенностью! Одна нога здесь, другая там!

Я оправдывалась большим наплывом читателей, но она ничего не хотела слушать. И в самом деле народу между сменами было предостаточно, а ещё и ожидание Ларисы...

Но вот она пришла, мы вышли на улицу, и тут Лариса сообщила, что ей надо зайти по адресу за рекомендательной запиской. Я нервничала, мне надо поскорее в город, а еще же с подружкой на завод... Но промолчала, да и понимала, что без записки Лариса на работу не устроится.

Нужный дом был в стороне от остановки автобуса, но недалеко от школы, хотя я отсчитывала каждую минуту. Мы вошли в крайний подъезд, Лариса пошла этажом выше, а я, вся в напряжении, осталась ждать внизу. Нагоняй от завуча не оставлял меня в покое.

Панельные «хрущёвки» так устроены, что на лестничной площадке можно слышать всё, что происходит в квартирах. В одной квартире шла громкая перебранка. Женский голос продолжал настаивать и перешёл на крик:

– Я кому сказала: не смей... Немедленно!..

В ужасе я застыла на месте, и, переставляя ватные ноги, выползла на крыльцо, прижавшись к стенке: только бы меня не увидели!

– ...сейчас же!.. – продолжала кричать Анна Михайловна, пришедшая домой на обед. Это был её голос! Угораздило же нас прийти по адресу именно в этот дом!

Что было бы с Анной Михайловной, если бы она или кто другой раскрыли дверь её квартиры? И что было бы со мною?

Заявление Ларисы на работу быстро подписал директор ремонтно-механического завода. Это был Виктор Соломонович Сербский.

3. Движение фонда

Второе полугодие 1971/72 учебного года я проработала с Галиной Васильевной Михасенко. Она передала мне фонд, но мы не сделали замену недостающих книг, а потом к ним прибавятся убытки двух лет и всё вместе сойдётся в большую недостачу.

Отчего случались убытки? К хороших книгам в школьную библиотеку следовало получить кучу макулатуры – никому ненужные речи и отчётные доклады членов Политбюро и самого Леонида Брежнева. Но это не убытки, это балласт библиотечного фонда.

Сочинения В. И. Ленина тоже давались как довесок, но это считалось делом святым и возражений не допускалось вообще. Исключать из фонда сочинения Ленина было не принято. Когда моя преемница в 26-й школе списала потрёпанные брошюрки Владимира Ильича и не смогла их сдать в макулатуру, бухгалтер разрешила сжечь списанную партию. Сжигали в школьном дворе, но Ленин не сгорел, или его спас один старательный мальчик и принёс обгорелую брошюрку домой. А мама мальчика работала в райкоме партии... Вот досталось библиотекарю Тамаре Трофимовне! Такое не забудешь, даже я помню, хотя тогда уже работала в другой школе.

Странно, что порою книги уходили «своими ногами» непонятно куда. Отложишь, бывало, ценную книжку в ремонт, да и забудешь о ней, но вдруг спросят, вспомнишь, где лежит,

бежишь с радостью, что есть она, сейчас запишу! Роешься, роешься в стопе лохмотьев, а её нет! Ушла и не сказала куда. Наверное, умирать: старая стала...

Но большую часть хороших книг при открытом доступе уносили без записи руки и ноги, пазухи и портфели. Потом в городской библиотеке я научусь вести следствие по горячим следам, бежать по адресу и обезоруживать страстного читателя (он же похититель) фразой «Книгу давай!» Это действовало безотказно. Но я никогда не выносила такой случай на обсуждение: жалко оступившихся ребят, да и ценила их интерес к чтению, считала их невиновными в книжном дефиците. Я и так их наказывала немедленным вычислением. А книгу необходимо найти и вернуть, а воришку разоблачить. Но потихому, тайно.

В школьной библиотеке было необходимо освоиться в фонде, познакомиться с читателями и учителями, научиться считать на счётах, находить информацию на множество заданных тем учителями и ответы на вопросы самих читателей-детей. Я крутилась как белка в колесе а тогда ещё училась заочно в институте культуры по специальности «детские и школьные библиотеки».

4. Помощницы

В следующем учебном году Галина Михасенко полностью перешла на ведение уроков, а мне назначили новую помощницу – флегматичную неповоротливую, хотя и молодую особу. Она не проявляла никакой инициативы, а интересы у неё были самые обывательские. Татьяна не только дополняла мебель, но имела под очками живые глаза, оказывающие небольшое воздействие на желающих поживиться – только и всего! По сути, она была сторожем.

Через год (и опять по знакомству с администрацией) в моих помощниках оказалась вторая Татьяна, более активная, но когда я вернулась с сессии, честно объявила: «Народу было много, я не справлялась».

В начале 1974 учебного года мне дали «специалиста». Это была учительница начальных классов, получившая диплом с правом преподавания русского языка и литературы в средних классах. Она имела привычку работать с классным журналом в тесной библиотеке, и при этом вокруг неё порхала половина пятого класса. Любовь Мироновна не проявляла никакого интереса к библиотечной работе, а я поначалу стеснялась ею руководить. Но перемена ситуации заставила это сделать.

Летом в библиотеке решили осуществить большой ремонт, для чего мне было велено перетащить и мебель, и книги в кабинет напротив. Я методично освобождала стеллаж за стеллажом, мне помогли их перетащить, и на каждый стеллаж я размещала те книги, что стояли на нём в библиотеке.

У завхоза были ключи и, после ремонта, не дожидаясь моего прихода на работу, она велела школьникам-практикантам всё быстро перетащить обратно в библиотеку без учёта моей расстановки.

Когда я пришла на работу, то увидела настоящую «блятку», как всерьёз называла моё владение одна техничка. Все книги горой лежали на полу, а стеллажи стояли без всякого плана. А что вы хотите, Галина Константиновна? Вам сделали ремонт! Чистое и обновлённое помещение! Извольте всё расставить по своим планам и на свой вкус!

Ну, всплакнула, засучила рукава и стала таскать и ставить стеллажи по местам, а потом сортировать 12 тысяч книг. Хорошо, что я люблю это занятие, но доставать с пола каждую книгу... Стоя на коленях, брала в руки и сортировала на шесть больших куч: детская, русская художественная, зарубежная, научно-познавательная и методическая. Потом детскую – по трём возрастам, методическую – по предметам. Оставалось самое вкусное и лёгкое: художественная русская литература (взрослая) по алфавиту. Я поставила на стеллаж разделитель с буквой «А», дала задание помощнице и ушла домой пораньше: сил больше не было и очень хотелось есть.

На следующий день я шла на работу с радостью: столько сделано вчера! Через пару дней первое сентября! Я поведу дочку Юленьку в первый класс! Подошла к стеллажу проверить работу помощницы и чуть не упала! Схватила за голову: плакать или смеяться? Я такого представить не могла! Книги стояли на стеллаже, но буквы! После разделителя «А», поставленного мною, следовал разделитель «К», за ним «Д», «С» и т.д. в том же порядке, то есть в беспорядке. И это алфавит? Может, помощница не поняла? Но она же филолог! И когда я её спросила:

– Разве это алфавит?

– Да какая разница! – ответила она.

Мне стало ясно, что дальше работать с Любовью Мионовной я не смогу. Вот одна из причин, по которой я сменяю место работы в школе на работу в городской детской библиотеке.

5. Читатели

Два слова – главные в моей работе – напрягали, но и грели мою душу: книги и читатели! Они искупали все трудности, все обиды и разочарования.

Читать на работе не принято, поэтому готовиться к мероприятиям я могла только дома. Каждый день таскала домой и на работу портфель с книгами и журналами. С одной стороны, я стеснялась и боялась учителей: что они скажут, когда увидят меня за столь вкусным занятием, а с другой стороны, было некогда: читатели двух смен шли и шли с 10 утра до 6 вечера. Особенно многолюдно было в перемены между уроками и двумя, и даже тремя сменами.

Я была натянута, как струна, и в работе доходила до автоматизма. Имея смутное представление о возрастных особенностях школьников, я никак не предполагала, что дети могут устраивать провокации, изображать заинтересованность в чтении, а сами или норовят спрятаться, сбегая с уроков (а я в

это время не могу выйти даже в туалет) или приходят просто на меня посмотреть. А я была не только молода, я казалась совершенно юной особой. Приходили любопытные девочки, но и мальчики тоже приходили.

Девочки не пытались скрыть любопытства, а вот мальчики... Так я оказалась жертвой неприятной истории, когда двое юношей явились в конце моего рабочего дня с каким-то недетским вопросом. Мне бы отшутиться, так как не поняла, зачем они пришли, но я устала и потому всплила, решив «поставить их на место». Теперь я понимаю, что один из них (в сером костюме) уговорил другого зайти ко мне «с инспекцией», но испугался «упасть в грязь лицом» перед товарищем, поэтому облил грязью меня: словесно оскорбил.

Оплёванная, я пожаловалась мужу. Вася разволновался и встал на мою защиту: пришёл к директору школы с жалобой. Мудрая Валентина Ивановна остудила его пыл, объяснив, что Галина Константиновна сама была не права: вела себя неправильно, то есть без учёта психологии старшеклассников. Но на следующий день парни пришли ко мне извиняться.

Среди читателей были очень милые старательные дети, которых я полюбила всей душой. Сёстры Соколовы отличались друг от друга и внешностью, и характером. Старшеклассница Люба, смуглая и молчаливая, для чтения выискивала взрослые романы. Младшая Надя – весёлая русоволосая девочка-подросток. С Надей было очень легко и просто, она следовала моим рекомендациям, а попутно рассказывала о жизни в классе. Была ещё одна Надя, по фамилии Жукова. Она охотно мне помогала в библиотеке...

Были читающие мальчики-подростки, набиравшие стопу книг на неделю, и я, как челнок, хватала их карточки, расставленные по классам прежде, чем они называли свою фамилию. Вычёркивала, потом записывала без росписей, потому что брать росписи некогда. Из всей массы таких читателей запомнился смуглый с раскосыми глазами Иванов Андрей.

После читательских набегов я занималась расстановкой книг и статистикой. В дневник ежедневно заносилось количество читателей от 75 до 95 человек, количество выданных книг: их надо было разбить по отраслям знаний.

Но эта каждодневная работа значимой не считалась. Главным для учителей и администрации были только открытые двери и массовая работа, хотя в массовиках-затейниках библиотекари не числились, но по сути ими и были, то есть должны быть.

6. Творческая работа

Немного освоившись с библиотечным фондом и познакомившись с читателями, мне захотелось создать из них группу по интересам. Могла бы собрать группу младших школьников и с ними заниматься громким чтением. Могла бы собрать новый кружок любителей поэзии... Так я создала то и другое. На основе первой группы написала курсовую работу «Громкое чтение в библиотеке, как форма массовой работы среди читателей младшего возраста». Я читала детям рассказы и сказки, а потом просила ответить на некоторые вопросы. Ходила с громким чтением по классам. Дети постарше отвечали на мои запросы в письменном виде. Ученик 3-го класса Саша Сумкин написал небольшую историю о своей любимой собаке по кличке Верный и закончил стихами:

*Ах, Верный, Верный!
 Друг мой верный!
 Убит, лежишь в сырой земле...
 А может, за головку нервы
 Ушёл к охотнику?
 Прошу тебя:
 Вернись ко мне.*

Вторая группа подростков оказалась активной и очень интересной. Этот кружок поэзии захватил меня целиком непо-

хожестью всех участников, их яркими индивидуальностями, разнообразием интересов.

Начиная с поэзии и прозы, мы странным образом переходили к международной политике. Наши тихие вечера превращались в бурные дискуссии, которые я изо всех сил старалась направлять. Иногда, выбегая за дверь, я слышала, как из библиотеки доносятся громкие споры, и хорошо, что в это время в школе уже не было ни администрации, ни учителей...

Я помню эту группу девочек и мальчишек. Девочки были развиты не по годам! Все они (и девочки, и мальчики) были детьми оттепели – детьми родителей-шестидесятников. Только Света Кухарева была тихой и незаметной, но однажды возмущалась своей теневой ролью. Я мало ей уделяла внимания, она не зря обижалась. В день рождения Света подарила мне хайтинское блюдо с ручной росписью, и я восхитилась её вкусом.

Лена Бардашова росла в благополучной семье, а это для человека важно, но не самое главное. А главное то, что Лена была с поэтической душой, тонко чувствующая, но с избытком фантазий, как оказалось потом. Тогда я не умела да и не хотела регулировать психологическое развитие детей, я не была специалистом в этой области. Только создавала среду, приоткрывала горизонты. Лена оказалась настолько начитанной и самостоятельной, что стала вести свою программу нашего кружка.

Наташа Белоусова внешне напоминала подростковую Марусю-первоклассницу из кинофильма моего детства. В школьной форме с воротничком-стойкой, с глазками – чёрной смородины, а лучше сказать, со сверкающими глазами-вишнями, она постоянно рассуждала, энергично кивая головой. У Наташи на всё было собственное мнение. Невозможно забыть сестёр Плиско. Им подошла бы фамилия Умко или даже Сверхумко. Старшая Лена обладала феноменальной памятью. Всего один раз прочитав текст, она шпарила его наизусть. Лена выступала в кружке с сообщениями о художниках. У младшей Нины

был математический ум, она была активна в бурных политических дискуссиях. Однажды шестиклассница Нина Плиско заявила: «Я не понимаю, чем Ленин отличается от Гитлера».

Я испугалась: хоть бы нас никто не слышал! Как могла, втолковала ей разницу, защищая «святого» Владимира Ильича.

Таня Морозова! Какая чудная ясная натура! Как она отзывчива на слово и красоту! Золотоволосая и зеленоглазая и при том очень умная. Казалось, что её ум прояснял туманное сознание всех кружковцев. Её любили все, но особенно ею восхищалась девочка-подросток Надя Соколова.

Я тоже любила Таню больше других. Почему? Я же любила всех! Может, потому, что меня полюбила Таня? С нею было так хорошо бродить вдвоём и по нашему микрорайону, провожая друг друга, и долго говорить обо всём.

Приходил в кружок и Тимур Алиев, что помогал мне поливать школьный цветник. Потом он вырастет в красивого делового юношу и почему-то станет обращаться ко мне на «ты».

Витя Сумкин (старший брат Саши) радовал и пугал смелостью суждений, не на шутку озадачивал. Так он заявил однажды, что одобряет жестокое подавление мятежа в Чили. Я так поняла, что на Витю оказывают влияние старшие товарищи, по которым плачет КГБ. Виктор был красивый, весёлый и выглядел старше своих юных лет. Учителя поговаривали о его дружбе со взрослой девушкой. Он шокировал учителей, когда заявился на выпускной вечер в белой прозрачной рубашке, сшитой из тюля, под видом модного кружевного полотна.

Через много лет Витя и меня приведёт в шоковое состояние своими рассказами:

– Помню, как однажды я пришёл в библиотеку, а Вы сидели в кресле и плакали. Потом встали, освободив место для меня. Я сел и ощутил в кресле Ваш запах...

7. Поездка с седьмым классом в Москву

В июне 1974-го года я вернулась домой из Улан-Удэ, где сдала сессию за третий курс. Было отличное настроение! Начиналось лето! Цвели яблони, одуванчики... Имея за плечами три курса библиотечного факультета института культуры, я уже считалась специалистом со средним образованием, и мне полагалась надбавка к зарплате в 10 рублей! К тому времени моя старшая дочь Юля закончила первый класс 26-й школы, где я работала в библиотеке. Младшая Танюшка выпускалась из детского сада.

Внезапно моего мужа Василия отправили в Омск на высшие курсы мастеров. В ожидании очередного отпуска я продолжала работать и заниматься собственными детьми. Но неожиданности на этом не кончились: мне предложили поехать с семиклассниками в Москву! Поначалу я растерялась: муж в отъезде, сама недавно вернулась и с кем оставлю детей? Мама согласилась побыть с ними, а я срочно начала собираться в дорогу.

Купить авиабилеты на целый класс было непросто. Администрация школы и родительский комитет использовали все возможные каналы и знакомства. И билеты были куплены, только на разные рейсы одного дня. Сейчас трудно представить, что в один день из Братска вылетало в Москву три самолёта. Класс разделили на три группы, и я вылетала с первой группой утренним рейсом. Можно представить, как волновались родители, отправляя детей то с незнакомой библиотекаршей, то вообще одних: вторая группа самых организованных летела без сопровождающего. В Омске дозаправка самолёта, из которого нас выпроваживали в накопитель. Я вздыхала, что вот могла бы и с Васей встретиться, который в этот момент не имел понятия, что я рядом.

Мы благополучно долетели и приземлились в аэропорту Внуково, где устроились в зале ожидания на скамьях. Отдыхали от пережитых стрессов. Теперь нам было так хорошо!

Как только объявили прибытие второго самолёта, все дружно устремились встречать следующую группу, тоже благополучно долетевшую. Надо было ждать остальных. Как всегда, дети, оказавшись на свободе без родителей да с деньгами, устремились к киоскам. Я убеждала их пока не тратиться на ерунду, и многие послушались. Но у некоторых был бездонный кошелёк, и мальчик по фамилии Мамчиц скупал всё, что видел и что хотел.

Третья группа летела с учительницей истории Ниной Михайловной Усовой. Она была классным руководителем. Класс прилетел в Москву для встречи с героем гражданской войны Николаем Васильевичем Дворяновым. Шестой класс целый год вел с ним переписку, и Нина Михайловна организовала эту поездку, вырвав бесплатную путёвку у другого класса. Я ничего интересного не ожидала от этой встречи: главным для меня была Москва! Но как приятно, когда жизнь преподносит нам неожиданные радостные сюрпризы!.. Я до сих пор с благоговением вспоминаю умного и в меру серьёзного Николая Васильевича. В нем не было показного революционного патриотизма. Он покорила меня своей искренностью и человечностью, а вдобавок правильной речью думающего человека.

Мы остановились в здании школы, где в классных комнатах стояли кровати на летнее время. Нас познакомили со старшеклассником, который стал нашим проводником по Москве. Он представил программу экскурсий, по две или по три в день. И мы принялись осваивать Москву!

Сколько интересного увидели дети, а вместе с ними я! Сейчас трудно перечислить места, где мы побывали за неделю. Я помню Литературный музей А.С.Пушкина, Исторический музей на Красной площади, Музей вооруженных сил СССР и Музей народов Востока. Новодевичье кладбище... Малый театр с артистом Бабочкиным, Горки Ленинские. Была Третьяковская галерея и встреча с Дворяновым.

Николай Васильевич Дворянов родился в 1897 году в Саратовской губернии, откуда были родом мои дедушка с ба-

бушкой. В 1916 году его призвали в армию и зачислили в Кексгольмский лейб-гвардейский полк. В этот полк набирали по росту, цвету глаз и волос. Николай Дворянов подошёл по всем параметрам: рост под два метра, волосы светлые, глаза голубые.

Ему пришлось участвовать в трёх войнах, воевать на многих фронтах Российской империи и СССР от запада до востока. Командуя 1-й Балаганской дивизией, он освобождал Сибирь от Колчака, в том числе старый Братск. Трижды был арестован, не избежав и 37-го года. Тогда он пострадал из-за фамилии: Дворянов – значит, из дворян! В 1919 сидел даже в Александровском центре, где когда-то отбывал срок мой дед Василий Сурков. Удивительно было и то, что Николай Васильевич сам удивлялся своей уникальной судьбе и не кичился заслугами.

Неделю своей трудной миссии я достойно выдержала, но всё-таки была с детьми излишне строга и жалела только слабых. В группе была Надя Соколова, так любившая меня в библиотеке, поэтому я рассчитывала на её понимание. Но увы! Надя избегала общения со мной и легко вставала на сторону не только уставших одноклассниц, но поддерживала капризных и вредных.

Наш юный проводник всегда шёл впереди хорошо знакомым ему маршрутом. Шёл быстро и не оглядывался. Я замыкала колонну, подгоняя детей, не позволяя им на ходу покупать мороженое. Саша Мамчиц меня не слушался и покупал порцию за порцией. Он был красивый смелый мальчик, избалованный родителями, но я несла ответственность за его жизнь и здоровье: с меня перед отъездом была взята расписка. Поэтому однажды я не выдержала, а купленный им очередной стаканчик выхватила и выбросила в урну.

Через пару дней у многих детей уже что-нибудь болело. У одних – горло, некоторые совсем охрипли от мороженого. У других от постоянной ходьбы были мозоли на ступнях, а у полненькой девочки Нины даже кровавые ссадины на вну-

тренней стороне бёдер. Было очень жалко детей! Но я не позволяла им излишне расслабляться: «Дома будете отдыхать!» Жалко было и тех, кто истратил почти все деньги, и теперь не мог, как Саша Мамчиц, делать покупки.

Однажды Нина Михайловна осталась в школе для переговоров с директором турбазы. Я повела детей с проводником. Нам предстояло перейти широкую московскую улицу по переходу. Проводник ушёл далеко вперёд и, только перейдя дорогу, оглянулся. Я же замешкалась с группой утомлённых детей. Мы перешли половину улицы, как вдруг двинулись все машины! В этот момент мы уже стояли посередине, на островке, и я скомандовала всем взяться за руки. Мы выстроились в линию и со счастливым ужасом наблюдали, как мчались мимо нас машины в восемь рядов: четыре впереди и четыре сзади! Ветер разметал наши волосы, сердца стучали от страха попеременно с радостью: спасены!

Я советовала детям не тратить все деньги, а немного оставить на подарки родителям, что они с охотою сделали. В последний день все купили цветы и, обернув их влажными полотенцами, благополучно довели до Братска. На этот раз мы летели все вместе, и в самолёте стоял крепкий дурманящий запах. Тогда в Братске ещё не было ни сирени, ни тюльпанов, ни нарциссов, ни лилий, они появятся позже. Да и цветочной торговли не было вообще. Дети даже в самолёте бегали смачивать полотенца.

Когда мы вышли и двинулись в сторону здания аэропорта, я шла впереди. Оглянувшись и с радостью увидела вереницу счастливых и гордых детей с московскими букетами. У здания аэропорта нас ждали родители.

Аида АКУЛОВА

Вкус жизни

Что для меня значит каждый день моей жизни? Каждый – ничего. Моя жизнь состоит из мгновений: встреч, которые больше не повторятся и этим памятливы, слов, которые я чувствую на кончике шариковой ручки, добрых взглядов и улыбок. Моя жизнь состоит из мгновений. Это банально, но это – правда. И то, что это – правда, возвышает такую банальность над любой оригинальностью, несмотря на то, что к оригинальности я стремлюсь на уровне инстинкта.

Моя жизнь состоит из мгновений, в число которых входят жизни всех персонажей, про которых я читала. Я читаю много. По пять книг сразу, и это не предел. Я не стремлюсь к читательским рекордам, просто одна из тех немногих вещей, которые я умею – чтение (по нескольку книг сразу).

Тем более, что читать только одну книгу бывает скучно. Читая «Коллекционера» Джона Фаулза, я подумала, что у каждого – своя коллекция: кто-то, смею надеяться, всё ещё собирает марки, а мой брат, например, коллекционировал монеты. Меня же больше интересуют моменты. Поэтому я коллекционирую их.

Даже не так. Меня больше интересует то, какое настроение дарит мне тот или иной момент. Я коллекционирую настроения. Самой большой популярностью, конечно, пользуется радостное настроение, но радость не познать, если не познал грусть и многое другое. Поэтому я волей-неволей пошла дальше. А потом мне понравилось. Это странно, но иногда мне даже нравится примерить на себя, например, печаль. Ведь не зря же существует мнение, что творчество появляется там, где есть некое неблагополучие. Возможно, это стереотип, ведь ни у кого из людей никогда не бывает ВСЁ благополучно, но творческими являются не все. Но что-то в этом мнении есть. Наверное, оно доказывает, что в себе можно развить всё, и творческие способности – тоже.

Коллекционировать настроения – самый оптимальный вариант для меня, все остальные коллекции, на мой взгляд, занимают место в жилище, собирают пыль, со временем становятся ненужными, или к ним появляется циничное отношение как к пережитку, к той части прошлого, которая уже неинтересна.

С настроениями в этом смысле всё намного проще. Они не могут надоесть, потому что без них мы не можем прожить и дня. Бывает, что настроение меняется по пять раз на дню, вместе с погодой за окном. Бывает, что настроение настолько неоднозначное, что оно и радостное, и печальное, и нежное, и грубое одновременно.

Вообще, если что-то и коллекционировать, то пусть это будут нематериальные объекты. Моя точка зрения однобока: ведь любой материальный объект, будь то монета или марка из коллекции, сувенирный ангел или самодельное картонное сердечко, вызывает разные эмоции, настроения, которые не берутся из пустоты. Но для меня проще получить эмоции, а объект, который мне их подарил, закопать в глубинах памяти до поры до времени.

Это некий эгоизм, минимализм в коллекционировании. Но пока единственные материальные объекты, которые я ценю, это люди и книги. Большого и не надо. Я ещё не увидела ни одного, к примеру, кораблика на магазинных полках, который бы побудил меня к собирательству других. Материальные объекты ценны не сами по себе. Они ценны как хранители памяти, воспоминаний, эмоций, настроений. Ценны символизмом, который несут в себе.

Например, моя знакомая, поступившая в институт водного транспорта, сказала: «Вся фишка в том, что я ходила в детский сад «Кораблик», потом в школу, гербом которой был корабль, по-моему, логично поступить и в институт с водной тематикой, поступила, куда хотела». Несмотря на то, что «я ещё не увидела ни одного, к примеру, кораблика на магазинных полках, который бы побудил меня к собирательству других», о корабликах есть что рассказать и мне: другая моя знакомая,

уезжая поступать во Владивосток, подарила мне кораблик под алыми парусами – чтоб сбывались мечты, и теперь, если мне хочется вспомнить Иру во всех подробностях, я беру этот кораблик в руку и представляю, как будто она приплыла на нём ко мне в гости. Я не стремлюсь собирать кораблики, потому что знаю, что этот – уникален для меня, и нечего ставить его в «толпу» других, пусть даже и не таких, как он.

Ещё у меня стоят две Ассоли. Одна у меня настолько давно, что я уже не помню, откуда она взялась на моей полке, а другую мне подарила моя любимая учительница Людмила Васильевна, которая живёт в Иркутске, и мне очень приятно, что теперь её подарок – частица её самой – со мной, в Братске.

Повторюсь, пока единственные материальные объекты, которые я ценю, это люди и книги. А если у меня в руках находится книга, подаренная мне кем-то, то она ценна вдвойне. Сейчас в моих руках именно такая книга – «Лакомство» М.Барбери. «Элегантность ёжика» понравилась мне очень, поэтому и на первый роман французской писательницы я возлагаю большие надежды.

Сегодня в принципе тот самый день, когда возлагать большие надежды – естественно: первый день, когда можно погулять, солнце, даже жара. Не особо люблю жару. Но после снега в конце мая приняла её как родную.

Сижу, читаю книгу с необычным стилем изложения, двигаюсь по ней улиткой, но мне это нравится. Смаковать книгу, каждое её слово, впитывать в себя каждый звук, который мысленно произносишь, – высшее наслаждение, которое сейчас усилено тем, что я гуляю как будто бы одна.

На самом деле я жду маму, которая ушла по каким-то своим надобностям, но осознавать этого не хочу. Если я всё время ожидания буду думать, что пришла сюда одна, как сейчас, то плохо мне не станет. Даже наоборот. Чувство самостоятельности, которой я лишена, дарует мне свободу, вдохновение и всё то, ради чего вообще живут люди.

Купаясь в языке книги, я ощущаю лёгкость, хочется встать и бежать-бежать-бежать жить!

Помню, одна моя знакомая сказала: «Аида, я понимаю, что, возможно, сейчас задам вопрос, который вообще не стоит задавать, но я очень хочу спросить у тебя это». Ограничивать людей в их желаниях, я не привыкла, так как сама прекрасно знаю, что за неприятная штука – ограничения. Поэтому я просто морально подготовилась к неудачному вопросу и сказала: «Задавай, будь что будет, клянусь, что не укушу!». «Если бы прямо сейчас у тебя появилась возможность выйти из дома, то куда бы ты пошла? Куда тебе сейчас хочется пойти?», – неуверенно произнесла девушка. Вопрос не только не задел моего самолюбия, но ещё и очень заинтересовал. Действительно, а куда? Куда можно пойти на ночь глядя, если ночные клубы тебя не интересуют. Но ночью всё лучше. Тем более, что я никогда не боялась темноты. Если только она не в людях.

Пойти. Тут ключевое слово именно это.

Плевать на ночь, на не особую ознакомленность с географией родного Братска, плевать на то, что опасно ходить по нашему городу в тёмное время суток. Мне кажется, если бы сейчас на улице было минус пятьдесят градусов по Цельсию или даже ноль по Кельвину, я бы всё равно пошла, если бы как в сказке резко и вдруг научилась. Мне было бы плевать на то, что я могу отморозить ноги, тело, душу. Ведь сейчас я не чувствую этой возможности пойти, как если бы не чувствовала ног, отморозив их. Потому что её нет.

Было бы здорово пойти, продать за это голос (всё равно пишу я намного лучше, чем говорю), пойти через боль в шагах. Но это – детали.

Пойти. Вот что важно.

Пойти на ночь глядя, почувствовать себя Невиллом Ландлессом, ведь ему тоже пришлось пройти через многое. Почувствовать себя. Свои новые грани. Свои новые настроения. Пополнить свою коллекцию. Пока есть возможность. Она ведь может уйти в любой момент.

Уйти в ночь, чтобы встретить новый день ходячей. И начать в этот действительно новый день новую жизнь. Переродиться. Уйти из дома и не входить больше ни в какие помещения лет девятнадцать, чтобы уж точно окупить вынужденное затворничество. Хотя и девятнадцатилетних хождений по миру здесь будет мало. Всё равно уже ничего не догонишь. Но это хоть что-то. Не возвращаться до старости. А потом написать большую книгу о своих хождениях по радостям. Если мне захочется делиться этим с кем-то. Я вообще не жадная, но вдруг не захочу показывать всю коллекцию?

Однако всех этих эмоций было не передать словами, да и не хотелось. Поэтому я ответила своей знакомой кратко: «Куда-нибудь из дома».

Это и так было понятно, мой ответ никак не раскрыл меня, ничего не поменял, был не нужен. Мне было что сказать, но я промолчала. И почему-то себя за это до сих пор не корю. Удивительно, что я вспомнила это сейчас. Просто, кажется, что я поняла, какое именно место можно было бы назвать при ответе на тот вопрос.

Я пошла бы в Париж. Именно пошла.

Помню, однажды, будучи в Минске у родственников, я шла в редакцию журнала «Волшебный», чтобы показать там свои тексты. Меня встретили как родную и были очень удивлены: «Письмо с острова Кунашир к нам в редакцию пришло, мы тогда радовались, что сделали такой волшебный шаг по планете, но вот чтоб люди из Братска – такого ещё никогда не было!» Я подумала тогда, что если бы именно пришла в редакцию «Волшебного», то это можно было бы занести в историю.

Сейчас же мне в голову такие мысли не приходили. Если бы я пошла в редакцию журнала «Волшебный», в Париж, совершила бы кругосветное путешествие пешком, то это было бы не для истории – чисто для себя, для удовольствия. Что может быть круче, чем ходить? Умея это, я была бы настолько

всемогущей, что вполне могла бы пройти всю Землю за один реально волшебный шаг. Правда это было бы неинтересно. И пренебрежительно по отношению к нашей планете, которая сейчас и так терпит много бед от человечества.

Сейчас я пошла бы к умирающему герою книги Барбери «Лакомство», ресторанному критику, который ищет в лабиринтах своей гастрономической памяти постоянно ускользающий от него вкус. Это вкус всей его жизни, который ревниво спрятался среди толпы неважных вкусов, как спрятался бы кораблик, подаренный мне Ирой, в толпе других.

Это вкус, который будет с ним на смертном одре. Он ищет вкус жизни, чтобы скрасить свой уход. Чтобы стать этим вкусом после смерти.

Я жадно глотаю каждое слово и чувствую себя так, будто нашла этот вкус раньше умирающего, которому он нужнее воздуха. Мне стыдно. Потому что я знаю, где искать, но не могу прокричать ему: «Вкус всей Вашей жизни наполняет эту книгу!» Я вчитываюсь в каждое предложение, будто стараюсь найти в нём ответ, как бы мне известить бедного ресторанного критика.

...И вдруг чувствую, что мою ногу кто-то толкает. Я поднимаю взгляд. Передо мной стоит девочка лет двенадцати и улыбается так, что сразу понятно: ей неудобно, что она отвлекла меня. Я улыбаюсь в ответ, чтобы её успокоить и подбодрить. Обрадованная девочка уходит. А я потеряла строчку. Мамы всё ещё нет, я решаю почитать дальше. Но строчка прячется от меня, как вкус всей жизни от главного героя книги.

Я решаю сделать перерыв и попить воды. Рядом никого, я всё ещё как будто пришла сюда одна, вскоре я вновь шагну в «Лакомство», от этого вода наполнена свободой. Я пью её жадно, словно в последний раз. Может, именно этот вкус ищет главный герой?

Нелли Чупина

(1944-2020)

Воспоминания

По улицам за шелестом дождя
Крадутся тени.
Смысл обретают, душу бередя.
Как по ступеням
Той памяти, сводящей нас с ума,
Зовут вернуться.
Молчат, насытившись дождем, дома,
Друг к другу жмутся.
А этих лестниц мокрых чистота
И отраженья
Фигур безмолвных, яркого зонта
Вдруг на мгновенье
Вернут сюда тревожно-зябкий взгляд.
И всё, что было десять лет назад...

*На тебя любая
Строчка точит нож
А. Тарковский*

Свободно воспарю
Иль упаду в пучину.
Под птичий говорок,
Дыханье затая,
Всю душу всколыхну
И изомну, как глину,
Вписав свою строку
В зачатъе бытия.

Упрячу боль свою
И радость, и надежду
В звящем, тёплом всплеске
Летнего дождя.
Я осень наряжу
В пурпурные одежды.
Пусть шепчут листья,
Душу бередя.

Всё пополам

Быть, не казаться
Каждое мгновенье.
И слить в одну
Две мысли пополам.
Поверив чуть напыщенным словам,
Вдруг сладко вздрогнуть
От прикосновенья.

Дышать под звездами
В одно дыханье,
Летя вдвоём к неведомым мирам!
И ад, и рай вкусить!
Все пополам!
Чтоб испытать
Все тайны Мирозданья!

Вечная жизнь

Вкус лета бабьего – оскомина.
Зарницы всполох – кутерьма.
У каждого своя хоромина,
Где впишут даты – имена.
И чья-то звёздочка закатится.

Прочертит трассу и замрёт...
Но снова кто-то в летнем платье
Ромашку спрашивать начнёт.
И снова утро зарумянится
От изливаний соловья
Дурнушка станет вдруг красавицей!
И жизнь подымет якоря!

Осень-привередница

На воде теснятся сумерки,
Заплывают за буйки.
Звуки все как будто умерли...
Веет мятою с реки.

И, проснувшись, с неохотою
Начала обход луна.
Ивы с томною зевотою.
Тянут веточки до дна.

А волна, целуясь с галькою,
То отхлынет, то прильнет.
Горизонт белёсой шалькою
Укрывает небосвод...

Знаю, к полночи разведрится,
Утром вызреет туман.
Осень, осень-привередница,
Как мне близок твой обман.

И пусть все ожидают четверга,
Который после дожидчика придёт.
Любая суть имеет берега,
А праздники перетекают в будни.

Набрав случайный номер на авось,
Услышав сквозь зевоту удивленье,
Я, чтоб проститься сразу не пришлось,
Стих Бродского читаю с упоеньем.

Там март-ноябрь на краешке планеты,
Там комкают в смятенье простыню.
Что всё равно сейчас мне, кто ты, где ты.
Себя за недосказанность виню.

На том конце молчат и дышат в трубку.
Я вдохновляюсь! Тот четверг придёт.
И март-ноябрь, и летнюю улыбку
Случайное «алло» не оборвёт.

Поздняя осень

В пологе серого неба
Спят сиротливо дома.
Путая быль и небыль,
Пожаловала зима.

Словно застывшие зомби
Ели в раздумье стоят,
С первой порошею вспомнив
Свой подвенечный наряд.

Таинство первой пороши,
След убегающих шин.
Как на заклатие брошен
Сад мой. Стоит недвижим.

Светлая в сердце грустинка
Снова терзает меня...
На листьях сиреней льдинки,
С летом прощаясь, звенят.

Я – транжира

Синь тревожной реки,
Остуди мои мысли.
И судьбе вопреки
Сквозь сомненья и числа
Подари тот рассвет,
Что сулил мне удачу.
Был он влажен и сед.
До сих пор его трачу.

Я – транжира. Увы,
Ни о чём не жалею...
Лишь твоей синевы
Растерять не посмею.

Шаги рассвета

Тянуло холодом в протоке.
По вечерам семья теней
Делилась надвое на вздохи.
Блуждало эхо средь камней.
Те отголоски охов-ахов
Собрал предутренний туман.

Утёс в заснеженной папахе
Внимал как грозный атаман
Крадущимся шагам рассвета,
Скользящим бликам по камням;
Как пропадали силуэты,
Как разгорался птичий гам.

В утреннем свете лиловом
С. Корбут

Душа перекликается с капелью,
Прощаясь с суматошной зимой;
С капризным и обманчивым апрелем
И с майским ливнем вдоль по мостовой.

И тонет в утреннем лиловом свете,
Хоронится меж голых тополей
Подыскивая добрые приметы,
Чтоб не одной остаться на земле.

Лиловый свет предутренних желаний,
Улыбка столь загадочной луны
Рождают отголоски расставаний
И чувства неосознанной вины.

Впечатление у картины

Море свыклось с непогодой,
С чайками наперевес,
С гневной ветреной свободой
И с молчанием небес.

В пенной нежности русалки
Изнывают от причуды.
Жалко морячков им, жалко.
И смешны все пересуды.

Вольно им плескаться в пене,
Тайны выплеснуть на берег –
Не готов ли кто к измене?
Кто в несбыточное верит?

Ветер подгоняет парус!
Там, где берег непреступен,
Что-то дивное осталось.
Я туда сбегу от будней!

Грустное

Лунный свет в моём окне,
Отражаясь на стене,
Всё струится.
И, сверкая серебром,
Снег лепечет за окном.
Ночь всё длится.

Тихо в доме. Я и кот.
Да собака у ворот.
Устоялось.
Всё. И некому пенять.
Видно, где-то благодать
Задержалась.

Никита НОЯНОВ

Провинциальный человек
Сияющего слова
Пересекает снег
По улице Бурлова.

Смотрю события с моста.
Там человека
Недостижима высота
И снега.

«Скажи мне, добрый человек,
Где остановка к Богу?»
А он уходит в снег,
Мне уступив дорогу.

Вернуться бы туда,
Где вёсны – мармеладом,
Где время не вода
И ни черта не надо:
Ни баб и ни бухла.
Глаза с утра продравши,
Лишь хлебных со стола
Горсть крошек – в простоквашу.
Чтоб речкою – ручей,
Чтоб кораблём – дощечка
Стремилась в дым лучей,
Растапливалась печка.
Чтоб солнце напоказ
Всё отражалось в окнах,
Чтоб хором пятый класс:
«Прекрасное далеко...»

Молчание смени
На разговор пустой.
Ты в молоке молитв
И так и так никто.
Дождинка на листке,
Соринка на краю,
На тонком волоске.
Я всё равно умру.

Ни край небесный и ни остриё
земли сырой неспелые следы не срежет.
Веди себя в луны пустой проём,
веди, как по стеклу ведут созвездья скрежет
соломинкой случайно, но всё ж
явимою, из мыльных пузырей исполнить
гимн музыке, что, в общем-то, не схож
ни с мимолётной радостью, ни с вечной болью.
Гимн музыке – свободный, волевой,
особенный, объединить легко способный
тьнь ночи с мелкой дрожью дождевой,
сон ночи – пусть не с барабанною, но дробью
сердечною, страницей на ветру,
не ровной ритмикой, не строфикой, не рифмой,
а чем-то большим – жизнью сквозь кору
древесную, лишённую событий грима,
искусственно наложенного днём.
Искрясь бессонным утром, солнцем сладко-горьким,
свет музыки собой наполнил дом,
и зазвучала музыка хрустальным горлом.

словно солнце уснуло на облаке
словно слово уснуло в росе
сколько света украдено в яблоки
сколько осени ранней весне
снится снег раскалённому жёлобу
снится звон задремавшему дню
спичка чиркнула память ли шорох ли
спичка полночи я тебе снюсь

Друзья библиотеки

**Наталья Никулина,
Обнинск**

* * *

Гоголь – уточкой.
Герцен – сердцем.
Гессе – бисером.
у Маяковского целая лодка...
любовная.

а выбирать
как всегда нам –
девушкам.

* * *

Анны и Аннуши
никогда! слышите? никогда!
не подходите близко к рельсам
и тем более не падайте на них
даже если машинистом
будет сам Лев Толстой
или Михаил Булгаков.

* * *

все звали её Сонечкой
потому что она
любила мармелад.
а больше нипочему

янепушкин*Вере Чижевской-Матвеевой*

я не Пушкин
но и у меня няня –
по мужу – Матвеева.
не Арина, но – Вера!
и я ей верю!
хоть она и рассказывает мне
вот уж двадцать лет подряд
вместо сказок
верлибры...

* * *

теперь я знаю:
время фантом
ускользнувшего рая,
то болит,
то проходит.

**Наталья Нутрихина,
Санкт-Петербург**

* * *

После смерти – в небесной обители
Души праведных ждет благодать,
А меня мои встретят родители
И начнут меня снова ругать.

Скажут, что умерла не как надо я,
Так же глупо, как жизнь прожила,
Для других были дети наградою,
Им со мной – лишь морока была.

Будут долго кричать негодующе...
Потемнеют в раю облака...
Лучше я на земле поживу еще,
А они подobreют пока.

* * *

«Вас удалили из списка друзей».
Весть мне пришла со страницы твоей.
Я понимаю, что это игра.
Но не привыкнуть, хоть знаю: пора.

«Вас удалили из списка друзей»...
Надо на это смотреть веселей.
Может быть, это компьютера глюк?
Может быть, ты – только «френд», а не друг?

Может быть, ты удалила весь блог?
Каждой затее назначен свой срок.
Только что делать с обидой моей –
«Вас удалили из списка друзей»?

* * *

Я бабушка пластмассового пупса.
Ему нужна немедленно рубашка,
Нужна сейчас и не минутой позже,
Иначе мама пупса будет плакать,
Не веря мне, что есть дела важнее,
Чем шить рубашку для ее сыночка.
И я бросаю все дела другие,
Их сделаю я завтра, через месяц,
И даже через год не поздно будет,
А бабушкой пластмассового пупса
Я после никогда уже не буду.

* * *

Как проявляются таланты
В твореньях, присланных извне!
С издевкой пишат эмигранты
О приютившей их стране.

Они такой не знали славы
Покуда жили с нами тут.
«Земли чужой язык и нравы»
На осмеянье нам несут.

Кто здесь оплакал неприлично
Себя, зажатого страной,
Другую – но уже привычно,
Со знаньем дела – бьет ногой.

* * *

Как сыну объяснить, что он – еврей?
Ребенок в восемь лет не понимает,
Какая тайна – от других детей
Его неощутимо отличает.

Как сыну объяснить, что он – еврей?
Его судьба не делает секрета:
Не выбирают дети матерей,
Но он не раз споткнется об анкету.

Как сыну объяснить, что он – еврей?
Он не слышал ни слова по-еврейски.
Обычное дитя страны своей
Сказал: «Не обзывайся и не смейся».

Как сыну объяснить, что он – еврей?
Тверда его непониманья крепость.
И мне понятна из моих речей
Лишь проповеди собственной нелепость.

Как сыну объяснить, что он – еврей?
Когда сама пришла я к пониманию:
Бессмысленно сообщество людей,
Объединенных только лишь названьем.

Как сыну объяснить, что он – еврей?
Зачем напрасно голову ломаю?
Мне это объясняли жизнью всей,
А я вот до сих пор не понимаю!

**Иван Шепета,
Владивосток**

Кто сердцем чист, не совершает зла.
Одним дана пленяющая внешность,
другим – любви волшебных два крыла
и мудрости задумчивая нежность.

Искусство жить – важнейшее из всех:
когда судьба, что колея кривая,
принять с улыбкой личный неуспех,
жить, победивших нас не проклиная.

* * *

Я обживаю свой дом на отшибе за лесом,
шум городской не доносится с бешеной трассы,
я наблюдаю осенний пейзаж с интересом:
листья дубовые жёлты, кленовые – красны.

А между листьев сигают хвостатые белки,
веером крылья, вспорхнув, распускают сороки.
Мысли о жизни мои суетливы и мелки,
мысли о смерти – напротив – светлы и глубоки.

* * *

От порога в лес уводят ноги,
каждый кустик и колюч, и наг.
Осень – время подводить итоги,
обходя исхоженный овраг.

Вспоминать, как молод был и светел,
шёл не в ногу, выпадал в строю...
Жизнь прошла, а я и не заметил,
что один пред звёздами стою.
Как сова, сфальшивившая сипло,
выпучился, ёжусь на заре,
вслушиваясь
 в долгий стук с Транссиба,
длинный текст из точек и тире.

Умирает кошка Клео –
муза в жизни старика.
Опустившись на колено,
глажу за ухом зверька.
Умирает, не мурлычет.
Как в ночном костре огонь,
потухая, слепо тычет
жарким носиком в ладонь.

Умирает. Поздно с нею
мчаться за полночь к врачу.
Мог бы – плакал. Не умею.
Каменею и молчу.

На заброшенных погостах
опустевших деревень
небо выпуклое – в звёздах,

крест – отбрасывает тень.
Шелестит осинник влажно,
родничка журчит вода...
Мне давно уже не страшно,
но не хочется туда.

У полынных околиц
мой впечатан в почву след,
чья душа – ночной колодец,
где со дна мерцает свет.
Тёмной ночью новолунья
в тот колодец погляди,
Клео, чёрная колдунья
с белой бабочкой в груди!

Растеклась по заливу огненная заря,
облаков опалённых гряда провисла...
Я не верю в то, что любил ты зря,
что в прошедшем нет никакого смысла.

Пусть понятной цели у жизни нет
и коробит личностная непарность,
всё равно, мотив этой жизни – свет
и за всё прошедшее – благодарность.

Николай СТЕПАНОВ

(1938-2020)

В минувшем году в Братске на 83 году жизни скончался онколог Николай Степанович Степанов (1938-2020). Даже на пенсии вел личный сайт, консультировал по Интернету больных. Выпустил книгу о лечении онкологических больных. Николай Степанович любил рассказывать из своей практики медицинские прибаутки. Вот одна из них. Лечился у него батюшка, болезнь смертельная, но Степанов выходил священника. Прощается батюшка и говорит: «Уберёт меня Господь!» А про работу доктора ни слова. Степанов сначала обиделся, а потом понял: верующий посчитал, что успешного лекаря ему послал сам Бог... В моём архиве сохранился рассказ-страшилка сибирского врача о работе студентом в морге, который он записал по моей просьбе. Я лишь отредактировал и сократил лишние медицинские детали. Вот эта история.

В.М.

Месть мертвой старухи из практики врача

С четвертого курса мединститута я начал подрабатывать в морге судебно-медицинской экспертизы. Сюда санитаром меня пристроил по знакомству дружок Игорь, который был заведующим патологоанатомическим отделением больницы. И хотя в карьере врача он был намного меня впереди, но по возрасту мы были ровесниками, поэтому дружили. Морг больницы и отдел судебно-медицинской экспертизы находились в одном здании, часть которого была в подвале. Встречались часто.

Дежурные эксперты ночью находились в одноэтажной пристройке. Мне тоже приходилось ночевать там, и когда привозили трупы, то спускался вниз, принимал тела и оформлял документы.

Когда моё дежурство попадало на субботу и воскресенье, то

я выполнял ещё обязанности санитаря секционного зала: готовил тела к вскрытию, пилил черепа, зашивал трупы, а также обмывал, одевал и выдавал их родственникам – обыкновенная рутинная работа для будущего врача. А в будние дни, перед сдачей дежурства, меня обязали подметать коридор морга.

Игорь тоже подрабатывал, но место у него была чище: вёл курсы в медицинском училище и педагогическом институте. Чаще всего группа, где преимущественно были девушки, приходила к нему на работу, и он на деле рассказывал и показывал тела усопших по личному учебному плану. Девушки к нам, по понятным причинам, в морг ходить не любили. Да и Игорь предпочитал быть чаще на виду у молоденьких студентов, подальше от морга.

Однажды Игорь мне сказал: “Ты сегодня дежуришь. В морг привезли бездомную старуху. У неё выросшие ногти на пальцах ног. Я как раз прохожу эту патологию по теме. Отрежь ей пальцы и завтра передай мне. Я покажу студенткам, как выглядят выросшие ногти, книжка книжкой, а тут реальный объект... Не тащить же девочек для этого в морг”. Отказать другу я не мог, но исполнять его просьбу тоже не хотел.

Одно дело обслуживать трупы по плану, а другое надругаться над телом, которое хоть и остается невостребованным, но все же человек. Долго мучился этим, и неожиданно нашёл, как мне казалось, простой и ловкий выход: подошёл к опытной санитарке морга Семёновне, работающей постоянно, и как бы от имени Игоря командным голосом попросил её выполнить задание начальника.

“Я что, сошла с ума? – взвизгнула санитарка, даже не дослушав меня до конца. – Ты разве не знаешь, что выросший ноготь бывает только у ведьм! Чтобы она мне потом всю жизнь снилась? Нет – отрезай сам”, – категорически возразила она.

Я на завтра к Игорю: “Игорёк! Ну её, эту бабку. Наша Семёновна говорит, что после того, как я отрежу пальцы, старуха будет мне сниться до конца дней моих!”

“Ты – студент четвёртого курса медицинского института, а несёшь такой бред вслед за малообразованной санитаркой! Иди и отрезай!” – приказным тоном, не терпящим возражений, сказал Игорь.

Я опять в мучениях брожу по моргу, резать не хочу, и ослушаться своего благодетеля боюсь, видать побледнел весь от утомительных мыслей. И тут встречаю к своей радости заведующего судебной медицинской экспертизой. Тот, увидев моё бледное лицо, сразу спросил, что случилось.

“Юрий Васильевич! Игорь велит мне отрезать у безродной бабки, которая лежит внизу, пальцы с вросшими ногтями для своих образовательных целей. А у меня душа не лежит к этому. Что мне делать?”

“Иди к Игорю и скажи, что у бабки нашлись родственники”.

“Ну, спасибо! Вы меня выручили!”

Конечно, Игорь не поверил моим словам. Ругнул меня милоходом, но был занят другими делами, и на этом всё бы закончилось. Но мне еще предстояло ночное дежурство с мёртвой бабкой в холодильнике.

Дежурство прошло как обычно.

А утром я пошёл подметать коридор морга от его конца к лестнице. Тут почему-то вспомнились слова Семёновны, и я спиной стал чувствовать дверь холодной комнаты, где лежал труп бабки. Не на шутку разыгралось воображение. Когда, пятясь спиной, дошёл до холодной комнаты, я услышал сзади скрип медленно открывающейся двери! И схватился за ручку двери, боясь оглянуться. С одной стороны, мурашки страха побежали по телу, а с другой – нужно было понять, что происходит, логично объяснить себе – откуда это? Потому что можно и умом тронуться.

Я оцепенел, судорожно сжимая ручку холодной комнаты с трупами, и чувствовал, как по ложбинке спины течёт холодный пот. Но заставил себя успокоиться и медленно отпустил ручку двери холодильника. Только взмахнул веником, снова

послышался скрип открывающейся двери, и я снова схватился за ручку двери...

И тут только до меня дошло. Ну ясно же! Прежде, чем начать подметать коридор, я открыл форточку в подвальное помещение. Это утренний сквознячок шевелит дверь комнаты! А бабушка, со вросшими ногтями, спокойно покоится в холодильнике и на белый свет не спешит, ждет своего часа для похорон.

Я закончил дежурство. Покинул морг, стараясь больше не вспоминать и никому не рассказывать, как изрядно струхнул по глупости свой. Но история на этом, как я теперь понимаю, не закончилась.

Прошло несколько лет. Игорь поехал в Москву на усовершенствование квалификации. Однажды ночью он в умиротворённом состоянии возвращался от друзей в общежитие врачей на улицу Поликарпова через станцию метро “Беговая”. Была зима и мороз за двадцать градусов. Еще поднимаясь по лестнице, Игорь заметил, что какой-то мальчишка перевесился через ограду выхода и смотрит на него. Когда Игорь поравнялся с ним, пацан сдёрнул с головы врача меховую шапку и побежал. Игорь выскочил наверх и стал его догонять. Они бежали к арке, где стояло такси. Игорь давно уже мог бы ударить ногой по ногам мальчишки и сбить его, но вспомнил своего сына. “Глупый пацан, – тешил себя словами Игорь, – ведь таксист его сейчас схватит”.

Но когда они огибали такси, Игорь почувствовал удар по голове и потерял сознание. Пришёл в себя в каком-то дворе. Не чувствовал ног, а руки, видимо, непроизвольно подсовывал под себя, и они ощущались. Ковыляя на больных ногах, Игорь стал искать место, где можно было бы согреться. Нашёл один открытый подъезд и обнял чуть тёплую батарею. Утром он добрался до общежития врачей, а коллеги, увидев, в каком он состоянии, срочно отправили пострадавшего в травматологию.

Пропали деньги, дубленка, шапка. Только одинокий па-

спорт оставался в портмоне.

В травматологическом отделении лечащий врач Игоря занимался научной работой, связанной с обморожениями. И у него был собран материал по интенсивному лечению таких больных. Не хватало контрольных случаев: исходов обморожений, лечение которых не проводилось. И Игорь попал в эту группу. Через некоторое время у него почернели пальцы ног, и его жена вывезла Игоря в наш город. Здесь хирурги удалили ему пальцы на ногах и боролись за то, чтобы сохранить головки плюсневых костей, чтобы он мог хотя бы удовлетворительно стоять и ходить.

Игорь потерял все пальцы на ступнях. Как хотел отрезать той бабке, которой давно уже нет. Сам Игорь, конечно, не связал свое несчастье в командировке с той бабкой, про которую он и думать забыл. А я вот до сих пор помню. И теперь с оглядкой отношусь к мертвецам, которые могут так изощренно и зло отомстить...

2014 год

Виктор ЦЕБЕРЯБОВ

Две поэмы

ВAGATELLE*

(мелочь, пустяк, чепуха – итал.)

*«Если река течёт, она должна течь
откуда-то и куда-то»*

Мудрость

1.

Мир в данность влит и поразителен.
Он – представление и зрители,
где чья-то властная рука
нас будет теревить, пока
желанья наши так губительны.

2.

Потоком солнечным приколото,
сверкает поднебесье золотом –
приходит обновленьем день.
Как тайной мига овладеть?
Кому считать минуты в комнате,

3.

кому топтать тропинку влажную,
кому углы и кочки сглаживать –
все в океане сентября
или в разливе вешнем в рябь
утонут комом мыслей заживо.

4.

Необходимость машет временем;
чреваты отклоненья в зрении –
так много дел бурлит вдали.
Над циферблатами Дали –
совсем не стрелки измерением.

5.

Для циферблата – пыль лишь стопором,
и баловство попыток в сторону
не тронет Вечности уста.
А стрелкам хочется в потай
тех завихрений в душах, что порой

6.

протест для бледноликой бренности,
от неизбежности так ревностной –
над кем дозвлеть бы ей потом,
когда истекшими в ничто
без сожаленья и до времени

7.

оставят люди это зарево?..
И ухищрениями старыми –
как битва рек и берегов,
как от потопа на бугор –
Земля нас сковывает чарами

8.

извечных тайн Востока Западу,
желанья всех родиться заново
под Югом дремлющих лагун;
волненья шёпота в стогу,
и буйных рук сковавших запонок;

9.

дорог бескрайних под вагонами,
в которых метрами погонными
всех любопытств не просчитать:
самой истории под стать
одно ущелье между склонами.

10.

И стрелки наблюденьем пристальным
за чередой вокзалов, пристаней,
развилок загоняют нас
на перехлѣст трамплинов, на
сраженье граней, где отринуты

11.

уступки, слабости, прошения,
слова смирения замшелые,
а слышен только хруст и лязг –
чтобы хоть тем себя продлять,
что взмах оставить в мельтешении.

12.

Дождѣм ухоженное дерево
строптиво, когда ветер с севера;
но листья, знающие юг,
ещѣ и потому поют,
что не устанут твѣрдо веровать,

13.

что в общем содержанье бремени,
назначенном Земле от времени,
из многих лёгких пусть одно
останется в пределах норм –
они пока не будут преданы.

14.

Для нас, заботами источенных,
из русла извлечённых порчами,
по дням блужданье – просто дань,
то, что для вечности в годах,
или в весне – ручьи проточные.

15.

Кто нами задолжал упроченье
своих границ ли укороченных,
или спасенье вообще?
Кто нами вынужден быть щедр,
как, впрочем, может, что и прочим всем?

16.

И обретенье дара Божьего
с возможных вариантов крошевом
с названием непрочным «жизнь»,
вокруг которого кружит
примерить на себя всё прошлое –

17.

венки, родителями гордыми
в существование пригодное
вплетённый без особых дум;
с одной лишь – что нельзя задуть
тот огонёк, что под разводами

18.

межгалактических отшельничеств,
куда вопрос не долетал «Зачем?» -
горит и греет тех, кто свят
той верой с головы до пят,
что патриарх бы посчитал за честь.

19.

Когда радение Иудово
определило так орудовать
слуг не прозревшей темноты,
едва успел закат остыть,
как свет, истерзанный запрудами,

20.

щелями и дверьми придавленный,
как в ступе истолчённый ставнями –
разлился на сомненья тех,
кто был чуть серым в темноте,
кого с безмолвьем там оставили.

21.

Мы – здесь. Там – Крест, Голгофой ввинченный
в тысячелетия провидчески...
Так много взвесить и понять
с вином болтливым, без вина;
с самим собой, с Его Величеством

22.

Счастливым Случаем, что прения
о сказке радуги без зренья
решает молнией судьбы;
и мы в волнении – вот бы
в преддверье мига быть передними –

23.

неужто пройденные рытвины,
надеждой на проход накрытые,
в чём ярко убеждают нас
припухлость век и седина
кричащих чаек над обрывами;

24.

просчёты, ставшие обидами,
словами скрытые солидными
как занавеской для зевак,
которым некуда девать
сверхлюбопытство – злобы идола;

25.

друзей надёжнейших решение:
измена с благами уже не есть
предмет для осуждения,
коль над Пречистой Девойю
свершилось же с небес сошедшее;

26.

ужель в исходной точке заповедь
«Не обмани» находит всякого
своей обратной стороной?
И начинающие вновь
идти должны дорогой трактовой,

27.

наивно думая, что выбором
всех как ремнём за промах выпоров
и в грунт впечатывая шаг,
от счастья через раз дыша –
как Робинзон на остров выпали?

28.

И что же? Даже вздоры замыслов
до содрогания безжалостных
уже предопределены,
и мы вмешаться не вольны –
утверждено всё только «за» без слов?..

29.

И чем беременная женщина
в факт отрицания замешана,
когда безудержный инстинкт
туда лишь может привести,
где все мечты на крест навешаны?

30.

..из окончанья, из продления
со дня земного сотворения
внизу, вверху, наперехлёт,
где суть воды ещё не лёд –
гуляют волны испарения...

Май – июнь 2010 г.

Пролетавшее...

/мысли навывнос/

*Голова без мыслей,
Как костер без дров.*

I.

Намеренье останется строптивым,
пока не растворится в результате...
Весенним днем под трелью птицы громкой
Земля благодарит светило паром.
На выглянувших вечером в окошко
мерцание набросит грусти сети;
народ выходит, чтобы их распутать
от фонарей подальше в лунный трепет.

Весна прологом жареного лета
готовит души и для восприятия,
но больше – к осмыслению усилий,
направленных на искупление жизнью.
Свирели нерастроченная нежность
и на пренебрежение прольется,
и, может быть, иное подсознание
закрепит чуть возникший отпечаток;
и на одном из вышедших рассветов
заметит полугрустную улыбку,
не ведая, что это – след свирели.

Так хочется нахмуренного неба,
беременного осенью с грибами;
строптивым ветром, ищущим останки
никем не охраняемого лета...

II.

Назойливо присутствие прохожих,
и не определяют сгустки света,
в какой из точек сумрачного неба
души, уставшей здесь, складное кресло.
Накрапывает вечер тишиною,
дома приличье утренних фасадов
в размытость очертаний окунают.
Над миром воцаряется пространство
так невозможных днем перестроений,
когда живущих радуют заботы
отсутствием своим хотя б до завтра.
Придумать, приподняться, оторваться
от скопа прижелудочных бастилий
в свободы хаос – брызжущий, бескрайний –
не с этим ли Господь предусмотрел нас?

В необозримый край ковыль клонится,
беспечность ветра принесет прохладу
попынным дням, до сумерек прогорклым...
А холм – свидетель всех завоеваний,
хранящий наслоения эпохи
как величайшей мудрости хранитель, –
не видит перепёлкиных радений.

Ш.

На равных с переменою погоды
востребованы места перемены.
Так одержимы ожиданья тайной
решившие закрыть ошибки жизни
замком амбарным, как лицо вуалью.
И полог, обозначенный вуалью,
окажется китайскою стеною,
которая, наверное, отделит
и мысли, и привычки, и запросы,
но толщиной едва ль хоть чуть притушит
огонь желанья встречи с неизвестным.
Завидно место тех, кто пригодился
каким-то сверхуменьем, где родился,
где каждый кустик равно шлет приветы,
насмешки, ком сочувствий, поученья
как член семьи и даже как родитель.
Когда одна соседка тетка Марфа
последние известья затмевает
рассказами о телке загулявшей;
о том, что дядя Яша столько курит,
что Страшный суд не станет с ним возиться.

Хоть Страшный суд горячею порою
едва ли различает розы запах.

IV.

Когда бы мир отложенных желаний
 однажды, как и должно, взбунтовался —
 искала бы Земля опору в высях
 /хотя ведь неизвестно, где здесь ниже/.
 Пока ж перед созревшими на стенах
 невидимы развешаны мишени —
 возможность не увидевшим просвета
 решить-таки болящую проблему.
 Но большинство нас с самосохранением
 дружны, а то и вовсе неразлучны;
 и потому желаниям летучим,
 как птицам над безбрежным океаном,
 выглядывать спасения полоску
 над гладью бесконечных дня волнений.
 Какой же математикой измерить
 ту силу чуть не ядерных ли всплесков,
 когда они решеньем разродились?..

Под ярким солнцем осени начальной
 пока неясно даже, в ком хранится
 прохлада к этим вычурам небесным...
 Но угадать мы можем, всем ли в радость
 багрянец дерзкий и дерев упругость
 пред снега долгим и густым покровом.

V.

О, если б можно было образумить
 сулящий холод сей закат пурпурный!
 Когда о берег выгнутые лодки,
 предвидя заточенье ледяное
 и ностальгию по волне накатной,
 окончат лето ржавыми замками,
 тогда б и чернота ночного неба

явилась теплым бархатным дыханьем;
и люди, позабыв ассоциаций
кромешной темноты со страхом смерти
так беспокоящее ожерелье,
роились бы без дум о выживанье.
Конечно же, сродни восходу солнца
простое и обыденное «Здрасьте».
С луною лучезарная улыбка
и чистотой, и таинством сравнима.
Но с холода и голода тенями
едва ли распрощается планета.

Так необычна, хоть привычна странность
твоих несовмещений дня и ночи;
апреля музыкальность и злобивость;
один из четырех – вдруг високосный,
как все осмыслить, если их так мало?

VI.

Как много смыслов ловит слово «вместо»!
Когда вдруг на лазури вместо белых
свинцовые до черных исступлений
как вести ада громоздятся тучи,
то вместо переливчатых сияний
и буйных дела страждущих напевов
душевных сил огни едва мерцают...
Но если вместо длительных терзаний
своей виной приходит просветленье
и пониманье – больше так не сможешь –
почувствуешь еще раз силу «вместо».
Как много в этом мире, кто уверен,
что в этой точке света он на месте?
Кто точно знает, что его дерзанья
добьются наивысших результатов?

И если все добьются результата,
останутся на месте параллели
или цепями ядерных реакций
подрезав предыдущую полярность,
экватором охватят Заполярье?

С порога в никуда бежит дорога,
манящими извилами сверкая
и неизбывной жаждою движенья...

VII.

Эфир забит волнами и вестями,
знакомым неизвестность сообщая.
Откуда-то берет и телевизор
известия о тех безвестных странах,
которых Дон Кихот и не предвидел.
Вот-вот мой старый радиоприемник
развалится от бурь радиостанций.
И здесь же вместе с этими волнами,
но только на совсем других частотах,
настолько же невидимо и просто
Вселенная летает в ошущеньях,
кого-то о беде предупреждая,
кому-то посылая чудный праздник –
не ведает, наверное, что этим
себя от пробуждения спасает...

Протоптаные шедшими дороги
не ведают, что вид и почву портят.
Набухшие скоплением слез глазницы
готовы к неизбежным расставаньям.
Когда-то предоставленное «верьте»
и нынче белизной своей сверкает.
За то, быть может, нас и греет солнце,
что где-то еще выше неизбежность...

Сентябрь – октябрь 2010 г.

Ольга КОРЕПАНОВА

Пятиэтажное дерево

Дерево заглядывало в окна,
с этажа смотрело на этаж,
с первого окна по пятое смотрело:
сверху вниз и снизу вверх.

В каждой квартире было то же,
что в первой, второй, – любой,
только понемножку, по-другому,
но, по сути, – всё точь-в-точь,
как в первой и второй.

В каждой квартире – по хозяйке.
В каждой квартире – по плите.
В каждой квартире – стирка-глажка.
В каждой квартире – щи-борщи.

Повариха у печи стояла
и смотрела мыльный сериал.
Кадры с одинаковым сюжетом:
стирка, глажка, варево, горшки.

Лица, персонажи в них менялись,
не менялась только жизнь одна.
В фильмах – одинаковый сценарий:
стирка-глажка, варево-борщи.

В этом длинном-длинном сериале
кто-то делал первый вдох и первый шаг,
ну а кто-то очень-очень «давний»
просто больше утром не вставал...

20.02.20.

Жила-была Пылинка

Жила-была Пыльца, Пылинка
иль Песчинка
и думала она, лежа на полке:
«Когда-то я была, быть может, человеком,
а может быть, цветочком, лепесточком,
а может быть, травинкой иль бумажкой,
а может быть, красивой милой пташкой?»

И долго так меняла варианты,
но тут к ней подошла хозяйка
с белой тряпкой
и скинула её с любимой точки
неподвижной срочно.

И вспомнила тогда Пылинка иль Соринка,
как в этой комнате была она
домохозяйкой видной
и удивлялась всё:
«Откуда пыль берётся?»

А рядом, по соседству, в том же доме
другие женщины во всех квартирах разом
порядок наводили, мусор выносили
и пылесосы с веником в углах хранили
и думали о том же точно также:
«Ну как же так? Откуда пыль берётся?»

...Но время шло, и срок пришёл хозяев,
мужчин и женщин, убирающих
свои «квадраты».

Покинули они привычные диваны,
«растаяв в окружающем пространстве»...

А люди шли обычным
безразличным шагом
и поднимали пепел под ногами...

И оседали мелкие прозрачные осадки
на мебель – через форточки –
жилья мирского:
«пылюкой» –
невидимисто-заметной,
назойливой и никому не нужной...

22.06.19.

Воздух свежий, воздух нежный

Воздух свежий,
воздух нежный,
«шелковистая душа».
Бархатистая одежда,
светло-синие глаза.

Стекловидная прозрачность,
неулавливаемая плоть,
невидимистая внешность,
непрерывно дышит грудь.

Одеяньями прикрыта,
но просвечивает ткань:
неулавливаемая сущность,
невидимистая суть.

От арбузной корки запах
свежескошенной травы.
«Опоясывает пояс»
бесконечной синевы.

«Безграничные границы»
и «бескрайние края»,
«необъятные объятия»
и «безбрежные берега».

«Неохватные охваты»,
аэробные «поля»,
«всезахватные захваты»,
аэробная среда.

Поле, поле – невидимка.
Поля, поля не видать.
Невидимистая сущность,
невидимистая суть.

08.02.20.

Пятый океан

«Бесфигурная фигура»,
«невесомый вес»
и «бесформенная форма»
голубых небес.
«Плоть незримая бесплотна»,
«невидимый вид»,
«бестелесы телеса»
и «безликий лик».
Без материи одежда
и «нетканна ткань»,
«переполненная пустошь», –
пятый океан.
Незаметная наружность:
без примет портрет,
не заденешь, не поймашь
«полый силуэт».

08.02.20.

Живое пространство

Пространство от простого слова
«просто»,
бесформенная полая среда.
Субстанция огромного размера,
где всё едино: ширина и глубина.
Видна и не видна одновременно,
неосязаема, прозрачна и легка.
И в то же время –
полная беременная форма, –
без края, без конца и без брeгА.
Пространство от простого слова
«просто»,
наполненная сущим пустота.
Субстанция огромного размера,
в ней всё едино: и длина и высота...
У вечного пространства молодое тело,
неразделимы руки-ноги-голова.
От «Альфа» до «Омега» неизменно,
хоть всё меняется внутри него всегда.
А голова его неуловимо эфемерна,
с чертами гомо sарiensа лица.
Его лицо неувядаемо красиво,
поверхность кожи шелковиста
и нежна.
Его глава – без признаков старенья,
без рамок временных,
без лысин и седин.
Его лицо – без носогубных складок,
гусиных лапок, брылей
и мимических морщин.

Есть у него – нос-рот-глаза и уши.
Есть сердце – вечный двигатель,
мотор.

Есть настроенье – смена времён года:

зима и осень,
лето и весна – простор.

Весной оно влюбляется, смеётся,
зимою крепко спит и видит сны,
а летом не надышится свободой,
а осенью, конечно же, грустит...

14.08.20.

Время беременно

Время идёт,
стоит,
приходит,
проходит,
уходит.

Время не дремлет,
не спит,
не ждёт,
бредёт,
течёт,
спешит,
бежит,
летит.

Его не воротишь.

Время расставит
все точки над «и» и над «е»,
всё скажет, расскажет.

Покажет.

Время беременно.

Времени слишком много-премного.
Время беременно
прошлым и будущим,
«тутом» и «тамом».

Время беременно
здесь и сейчас,
между «будет» и «было».

Времени слишком много
и слишком мало.
Мало для люда
и много для Хроноса,
Хрона.

Время бескрайне,
его ...бесконечна фигура.
Лечит «конечных»
и учит всему, что можно,
не можно.

Его не обманешь
и не догонишь.
Его не воротишь.

Хронос наполнен часами
и днями,
годами.

Знает секреты бытия
и хронологию странных событий.
Летопись пишет,
базирует – в базы данных.

Он перегружен, загружен,
заполнен и переполнен.

Времени слишком много-премного,
не мало.

Времени тесно
в растянутом теле пространства.
Не подобрать по размеру,
по форме одежду.

Времени бремя – тяжёлый груз,
совсем непосильная ноша.
Освободиться «от камня» –
возможно можно,
чтоб разгрузиться.

Лишь разродиться достаточно,
важно и нужно...
Но бесполезно.

Снова беременно время,
снова и снова.

Время беременно.
Время безвременно.
Времени много...

03.05.20.

Гиперактивный ребёнок

Ветер – шкодливый ребёнок,
гиперактивный малыш.
щёки надул, воздух «выдул», –
пыль поднялась столбом.

Шустрый лихой беспризорник,
милый смешной озорник,
по улицам мчится вихрем,
ищет подруг и друзей.

Ветер – шkodливый ребёнок,
гиперактивный мальчиш,
гоняет газеты, пакеты
по тротуарам градов.

Консервные банки пинает,
зонты вырывает из рук,
шляпы срывает с прохожих,
в спину толкает бродяг.

Деревья качает, шатает,
листьями сыплет вокруг.
В трубах домов воем воеет, –
пугает честной народ.

Фантики прячутся в норках,
травы от страха трясёт.
На чердаках птицы жмутся,
голубь с голубкой дрожат.

Ветер – шkodливый ребёнок,
гиперактивный мальчиш,
в форточки мордочкой лезет,
просится в гости на чай.

Люди спешат на работу,
им невдомёк, невдомёк,
что Ветер играет с ними,
ищет подруг и друзей.

12.03.20.

Дождь стучался в двери, в окна

Дождь осенний, дождь весенний
танцевал и танцевал.
Танцевал на крыше дома
и чечётку отбивал.

Дождь стучался в двери, в окна,
чтобы кров родной обрести,
чтоб согреться, обогреться
и в тепле деньки провести.

Чтобы выпить чай горячий,
тут же спрятаться в кровать,
и во сне на миг забыться:
что не дождь он – человек.

Дождь стремился к совершенству,
чтобы формой гомо стать,
не хотел быть водоёмом
или в луже пропадать.

Не хотел лежать на кровле
или в ёмкости с водой,
а хотел собрать все капли
в тело с мокрой головой.

Дождь мечтал быть пилигримом:
руки-ноги – всё при нём,
чтоб ногами пробежаться
по тропинке с ветерком.

Чтобы с милой приобняться
и согреть своим теплом.
Чтобы милой любоваться,
просыпаться с ней вдвоём.

06.12.19.

Тени загорали на асфальте

Тени от раскидистых акаций
разлеглись на тротуаре тёплом
в жаркую прекрасную погоду,
нежась под лучами солнечного света.

Разлеглись «на коврике» шершавом,
протянули руки-ветви, стебли,
отдыхая на дорогах сити,
наслаждаясь дуновеньем ветра.

Их индиго-цвета силуэты
загорали на лимоновом настиле,
их ультрамариновая кожа
наполнялась силой и здоровьем.

Их тела переплелись узором,
кружево, рисуя на асфальте.
Синей шалькою, укрыв тропинку,
паутинка сплетена веретеном природы.

Их глаза заглядывали в небо
и разгадывали ребусы-загадки
облаков, бродящих по аэро-картине,
облаков, меняющих одежды.

Их уста шептали тоже,
что и шелест листьев, между прочим.
И звучала колыбельная пространства,
убаюкивая сонные фигуры.

01.06.20.

Город проснулся...

Небесное Око открылось,
небесный светильник проснулся,
небесная лампа включилась
и вмиг озарила город.

Город едва пробудившись,
зевнул широко, улыбнулся.
Воздух вдохнул ноздрями:
лёгкие – задышали.

Кровь побежала по телу
архитектурных построек,
«игристо взвихрилась быстро»
шампанского пузырьками.

Кровь разогнали люди,
спешащие на работу,
по тропкам артериальным,
дорожкам-путям-сосудам,
стремящимся к остановкам.

На остановках – волненье,
мгновенное оживленье.
Общей толпы стремленье –
дела вершить без сомнений,
без всяких на то промедлений.

Улицы встrepенулись,
дома вмиг приободрились,
окнами засветились.
Захлопали «кашлем» двери,
«выплёвывая» мир наружу,
забыв про ночную спячку
и тёплую сити-квартиру
да мягкую сити-перину.

Город затараторил,
машины затарахтели.
Собаки «залаляли лаем»,
деревья зашелестели.

Птицы запели песни,
обмениваясь новостями.
шУмы и гамы и гулы,
звуки и туки и стуки,

всхлипы и крики и «смехи»,
«охи» и «ахи» и вздохи –
услышали уши City.

Город преобразился,
забегал, – засуетился.
Все выполняли задачу,
свою дневную программу,
свою ежедневную норму.

И так – до двенадцати ночи,
пока не закрылось Око,
пока не заснуло Светило, –
не отключился светильник.

12.02.20.

Владимир ПАНОВ

(1926 – 1999)

Поэт. Художник. Ветеран Великой Отечественной войны. Участвовал в строительстве Братского ЛПК. Стихи печатал в газетах и журналах «Советский воин», «Звезда». Автор поэтической книги «Откровение» (1997). Награжден орденом «Отечественной войны», медалями «За отвагу» и «За взятие Берлина».

Мне с парашютом вспомнился прыжок.
Скорей всего, как презабавный казус...
Санчасть в лесу – провериться бегу.
Лишь я один с проверкой задержался.
Но врач... не допустил меня к прыжку:
«Не годен» написал и расписался.
В кругу друзей гореть мне со стыда.
Чем хуже я? И не урод я вроде...
Есть выход! Есть! Не будет и следа:
Стер буквы «не».
– Я прыгаю!
– Я годен!

В моем сердце живут близнецы.
Ну, удайся ж, такое добро,
Чтоб с концами свести мне концы:
Близнецы мои – кисть и перо.

Я на холст с вождельнем гляжу –
Словно снега нетронутый наст.
Ночь придет - над строкою сижусь.
Вот такая «жистенка» у нас.

В МУЗЕЕ

Осколок бомбы угодил в музей,
Его хранят от ржавчины и пыли.
Я вспомнил братьев, фронтовых друзей,
Что головы за Родину сложили...

На каске след тяжелого свинца,
Буреет кровь печатью на конверте.
Осколок, что в бою скосил бойца,
Лежит в музее атрибутом смерти.

О, сколько было взорвано гранат!
Еще к могилам возится гранит...
В сырой земле покоится солдат,
А смерть его на бархате лежит.

ЛЕВША

Мы праздник Победы отмечали,
Звенели весело медали, ордена.
Но мой сосед был чем-то опечален —
О чем ему напомнила война?
О первой пуле? Первой переправе?
Как погасить нам боль его души?
Вдруг он сказал: — А я ведь, братцы, правой,
Рукою правую фашиста придушил...
А где ж она? Тоска-печаль не шутка.
Рука где правая? Смотри да разумей.
Мы поняли значенье правды жуткой —
Рукав от правой вправлен под ремень.
Вздыхнул сосед: — Ну, что ж, бывало хуже,
Но главное — сломили мы врага...
Чуть помолчав, добавил он к тому же: —
Под Курском моя правая рука...

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН

Уже за нами старость и усталость.
Как в праздники любезно не жалея —
Не много ветеранов тут осталось,
Не скажешь ни вернее, ни смелей.
И чтут, и чествуют в любое время года.
Но вот порою грустно оттого,
Что наберут когда-нибудь... с полвзвода
Со всей страны! Потом – ни одного!
Сказать теперь не поздно и не рано —
Вновь над планетой дыбится беда.
Быть хочется последним ветераном,
Чтоб знать – войны – не будет никогда.

Инна МОЛЧАНОВА

Хорошо

1.

Хорошо, когда из песка никчемности
кому-то удастся сделать
солнечные часы...

2.

Хорошо, когда мир
открывается навстречу
без всякого повода

3.

Хорошо, когда выбор заканчивается
прежде, чем сломаются
наконечники стрел

4.

Хорошо, когда каждая
зажженная свеча
обещает гореть вечно

5.

Хорошо, когда тебя слышат,
даже если
тебе уже не о чем кричать

6.

Хорошо, когда водопад вселенной
сыплет звездами
мимо твоей крыши

Вне эфира

1.

Я беру трубку,
чтобы не оставлять тебе надежды
на возвращение из пустоты,
в которую меня отправили
гены твоих предков...

2.

Если ты не научился просить прощения –
эта трудная работа
будет завещана
твоим детям

3.

Ты – лишь один из многих,
кого я больше
не смогу различить в толпе

4.

В последнее время
ты так много лгал,
что я просто устала
тебе не верить

5.

В капле горя
можно утопить
море любви

6.

Любовь по расписанию –
религия трутней,
обирающих
беременных работой пчел

Курлыки

1.

Нанизываю рябиновые капли
на нити бытия.

Где-то там, за лунным окном,
спряталась моя боль.

Брошу камень,
пусть разойдутся по небу
звездные круги
моих воспоминаний...

2

Мой небесный год
заканчивается сентябрем –
прощальную пропись
начертали в лазури
призраки журавлей.

3.

Черная кошка грусти
перебежала дорогу
благим начинаниям –
прочерк потерянного дня
засижен календарными мухами.

4.

Дорога к моей душе
поросла клевером и осотом –
пора пропалывать
сердечную грядку.

5.

Усталость проходит мимо,
жизнь не дает передышки,
безмолвие требует жертв...

6.

Кнопки разума вечны,
рычаг безумия хрупок.
Поймаю за хвост тень проказы –
ящерица жадности
не меняет привычек.

7.

Свет маминой присказки
озарил комнату моей осени –
верю прозревшим зеркалам.

8.

Смерть прощает нам все:
любовь и измены,
подвиги и предательства,
открытия и ошибки...
Она – зонтик
над песочницей Земли...

Детская площадка

Галина КРАВЕЦ

Вышивальщица птиц

В заточении в высокой башне ей было позволено только вышивать. Она знала, что как только ей удастся вышить красивую птицу, ее отпустят. Она обретет свободу и как птица выпорхнет из своей постылой клетки.

Она очень спешила, но старалась, чтоб птица получилась как живая. Вышивала и лентами, и шелковыми нитями.

Первой ее птицей была ласточка. Милая, стремительная ласточка. Она косила глазом на вышивальщицу и, казалось, в нетерпении подрагивала крыльями. И, как только девушка закрепила последний стежок и вздохнула с облегчением, ласточка встрепенулась и стремительно взлетела. Сделав круг над головой девушки, она выпорхнула в раскрытое окно!

– Ах, – всхлипнула вышивальщица, – теперь ласточка на свободе, а я?

Она снова склонилась над вышиванием. В этот раз было решено вышивать снегиря. Но, как только розовогрудый красавец получил крылья и хвостик, клюв и острый глаз – он тут же, как и его предшественница, легко вспорхнул с пялец и был таков!

Упорству красавицы можно было позавидовать. День за днем, неделю за неделей она вышивала голубей и синиц, скворцов и соловьев, журавля и трясогузку, дятла и сову. Но вновь и вновь, едва делала последний стежок, птица оживала и покидала пяльцы, сделав прощальный круг над головой девушки.

Много слез пролила несчастная, теряя надежду обрести свободу. Но однажды ей пришлось в голову, что решить проблему можно, вышив раненую птицу. Она принялась вышивать

раненую голубку. Вышивала и плакала, так жалко ей было раненую птицу. Тщательно подбирала ленты и нитки, чтоб переливалась шейка, как у настоящего голубя: от голубого в фиолетовый с зеленым отливом. Чтоб серые крылышки с черными узорами были как живые. Чтоб черные бусинки глаз смотрели хитро. Обливаясь слезами, вышивала она кровавой шелковой ниткой завершающие штрихи картины. Ее расчет оказался верным: птица встrepенулась, повертела головкой, переминаясь с лапки на лапку, но взлететь не смогла.

Девушка подошла к окну и запела. Ее голос разливался над миром, возвещая о том, что она справилась с заданием злого колдуна, держащего ее взаперти. Она пела, и тысячи птиц слетелись на ее голос и кружили над башней. Среди них были и те, которых вышивала она. И как только песня ее достигла ушей колдуна, девушка тут же превратилась в прекрасную жар-птицу. Громкий хохот злодея раздался, перекрывая шум крыльев птиц:

– Ты хотела свободы? Так лети же свободной птицей! Отныне летать тебе яркой птицей, пока не попадешься в силки первого встречного охотника!

Твое время

Она протянула ладонь навстречу путнику. Медленно, как бы нехотя, разжала пальцы, и в самой серединке ладошки замерцал маленький огонёк. Он становился все ярче и шире. Он превращался из багрового уголька в слепящий нестерпимым белым светом шар.

– На, бери! – голоса не было слышно, но слова повисли в воздухе громкие и требовательные.

Путник осторожно протянул руку. Шар поплыл к его раскрытой ладони. Пальцы словно обдало теплым нежным дыханием.

– А зачем это?– спросил он.

– Это время. Твоё время. Пока оно светится и растёт, ты живёшь! Береги его. И не совершай поступков, о которых будешь потом жалеть! – последние слова девочки словно растаяли в воздухе вместе с её фигуркой.

Путник опасливо покосился на свет в своей ладони. И как теперь жить? И не солгать? И не напакостить? И не пройти мимо несправедливости молча? А что будет, если не послушать ее? Он подбежал к бездомной дворняге, свернувшейся клубком на теплой крышке люка теплоцентрали среди обледенелого тротуара, и слегка пнул заскулившую собаку:

– Пшла вон!

Тотчас ослепительный шар в его ладони мигнул и слегка сжался. Он потерял свою воздушность, его пронизали горячие багровые искры.

– Ой, – хотел отдернуть обожженную руку путник, но боялся выронить светящийся клубок. Он задумчиво глядел на своё сокровище и наклонился, чтобы погладить пса, по-прежнему вжимавшегося в крышку люка. Тот заскулил, но потянулся к теплой человеческой руке.

– Ну что, пойдём со мной? Не бойся, я больше не трону тебя. Пойдем! Дома есть горячий суп и большая сахарная кость.

Шар закачался в его ладони и стал будто немного ярче. Человек зашагал, слегка раскачиваясь, стараясь не уронить свою ношу. Пёс побежал следом, пытаясь подпрыгнуть и лизнуть ладонь, несущую Свет.

Лидия АКСЁНОВА

Говорят дети

– Моя мама – самое редкое явление природы, что ни скажешь, всё не так.

– Почему даже к осени на ирисах не выросли ириски?

– Самолёт так трясло, что у меня пятки в сердце вошли.

– Мамочка, я плачу. Я знаю – я рыдалец, но я плачу. Не уезжа-а-й!

В магазин влетела запыхавшаяся девчущка лет шести-семи и сразу к прилавку. Встав передо мной, взволнованно спросила кассира:

– А где люди живут? На какой планете?

– На Земле.

– А ещё где?

– Пока только на ней.

– А ещё где мы живём?

– В России.

– Дайте мне российскую минералку, – обрадовано попросила дотошная девочка.

Изрисовав себя с ног до головы фломастерами, Глеб подошёл ко мне:

– Баба, смотри – я рысь!

– Как же ты завтра в садик пойдёшь?

– Рысью!

Маленькую Надежду в семье за художественное творчество на собственном теле называли папуаской. На вопрос:

– Надя, ты кто?

– Папа Васька.

У папы Васи от улыбки рот растягивался до ушей.

Глеб подрос и собрался жениться на маме. Выделил уголок в комнате для будущих детей, которые у них народятся, и стал туда складывать игрушки, книжки для них. Кое-как сумели его убедить, что на мамах не женятся. Он сел за стол, обхватил голову руками и горько произнёс:

– Что же мне теперь делать с моею любовью?!

– Иринка, я красивая?

– Красивая.

– На бабу Ягу похожая?

– Похожая.

– Она же некрасивая?

– Не-ет, красива-а-я! – мечтательно протянула внучка. – Я расту, расту, стану бабушкой, а пото-о-ом бабой Ягой и стану летать на ступе.

Бабушка спросила у внука:

– Андрюша, я старая?

Подумав, он многозначительно произнёс:

– Нет, ты не старая. Ты старинная.

Фёдор МОНАХОВ

Пять страшных историй

Когда мне исполнилось шесть лет, то я полюбил сочинять страшные истории. Мои страшилки записали и сохранили для истории.

Жил-был тыквоголовый мальчик. Был он весёлым и прятался в сказочном лесу. А в одном чёрном-чёрном городе на краю леса жила добрая тыква. Однажды она сбежала от злого хозяина. Но заблудилась тыква в сказочном лесу. Бродила-бродила по волшебной чаще и встретила там тыквоголового мальчика. Познакомились, стали дружить и зажили вместе тыквосчастливо.

Жил-был добрый зомби. Он любил прыгать, скакать, играть с друзьями и веселиться. И своей добротой зомбировал всех вокруг на веселье и радость.

Жил один маг. У него был волшебный посох. Маг мечтал быть повелителем всей планеты, чтобы перед ним все склонили колени. Напал он на замок. Сражался, сражался, и его одолели добрые рыцари. И разозлился маг, и с тех пор прятался, а по ночам нападал на рыцарей короля.

Жило-было одно привидение. Нашло оно себе невидимую подружку. И стали невидимо жить долго и счастливо.

В одном тёмном мире росло чёрное дерево и излучало вокруг себя черный свет, который во время проливных дождей соединялся с белым и создавал на земле семь цветов радуги!

— И это хорошо, — сказал таинственный наблюдатель за чёрным и белым.

Раз в неделю он проникает в тёмный мир и поливает чёрное дерево дождями, создавая на Земле цветной мир радуги!

Из книги «Сти-шутки от Федей»

В нашей жизни есть затея:
Я расту, а дед стареет!
Размечтались: лет за двести
Постареем с дедом вместе!

По дороге домой в разговоре с внуком Федей придумалось слово «спешеходы». Так родилось это краткостишие.

В Братске снова непогода,
Снег накрыл всех с головой!
Мы сегодня спешеходы:
На парах бежим домой!

В.М.

Из архива библиотеки

Я не рассчитываю на то, что правда
победит, но надеюсь на то, что её
когда-нибудь узнают

В. Сербский

«Я не рассчитываю на то, что правда победит, но надеюсь на то, что её когда-нибудь узнают»

В. Сербский

Виктор Сербский (1933-2011). Последние записи. Из архива гражданина, инженера, библиофила и поэта. Эту запись после смерти Виктора Соломоновича нашли на его рабочем столе в библиотеке русской поэзии, которую он собирал всю свою сознательную жизнь и теперь она носит его имя.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир МОНАХОВ	
Наш писчий дух за словом	3
Виктор СЕРБСКИЙ	8
ПОЭТЫ ОЗЕРЛАГА	
Валерий АЛЕКСЕЕВ, Анна БАРКОВА, Борис ВАЙЛЬ, Арсений ТИТОВ, Виктор СЕРБСКИЙ, Григорий ВОРОЖБИТОВ, Николая ДОМОВИТОВ, Анатолий ЖИГУЛИН, Ида НАППЕЛЬБАУМ	18
Владимир МОНАХОВ	24
Владимир ЭКСПРЕСС	73
Елена ПОПОВА	76
Галина ГНЕЧУТСКАЯ	82
Аида АКУЛОВА	99
Нелли ЧУПИНА	105
Никита НОЯНОВ	112
ДРУЗЬЯ БИБЛИОТЕКИ	
Наталья НИКУЛИНА, Наталья НУТРИХИНА, Иван ШЕПЕТА	115
Николай СТЕПАНОВ	122
Виктор ЦЕБЕРЯБОВ	127
Ольга КОРЕПАНОВА	139
Владимир ПАНОВ	152
Инна МОЛЧАНОВА	155
Галина КРАВЕЦ	159
Лидия АКСЁНОВА	162
Фёдор МОНАХОВ	164
Из архива библиотеки	166

Приморская, 49

Альманах №3
Иркутского отделения
Союза литераторов России

Составители: В. Монахов, Е. Попова

Корректурa авторов

Обложка: А.А. Хомченко

Технический редактор: А.А. Хомченко

Подписано в печать 22.11. 2021 г. Формат 148x210 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 150 экз.

Отпечатано: Типография «Полиграф».

г. Братск, ул. Южная, 8, строение 3, 1 подъезд.

Тел./ф. 41-00-04. E-mail: ps@bratsk.ru